

Михаил Булых

Марш анонимов

Крестоносцы

LitRPG

Михаил Булых

**Марш анонимов. Книга
1. Крестопереносец**

2017

Булыух М.

Марш анонимов. Книга 1. Крестопереносец / М. Булыух — 2017 — (LitRPG)

Михаил Булыух – российский писатель-фантаст, работающий в жанре ЛитРПГ. Свою изначальную популярность он получил благодаря трилогии «Грязные игры», размещённой на литературных порталах. Вам предлагается роман, которым открывается новый цикл автора. Рыцарь-крестоносец Константин Полбу героически погибает в битве с сарацинами и переносится в мир под названием «Жизнь». Как выяснится позже, это и есть основной мир, а все остальные – параллельные. «Жизнь» строится на основе РПГ-игры. Непросто придётся рыцарю ордена, ведь он понятия не имеет, как правильно прокачивать персонажа, да, признаться, и читать-то не умеет, а считает – всего до десяти. Зато отваги главному герою не занимать. А потому, сколь бы ни было трудно адаптироваться к локации Новгородской земли XIII века, Константин не теряет. План его прост: все набранные очки вложить в параметр «стойкость» и сокрушить врагов

Содержание

1. Полбу по лбу	5
2. Красная подушечка	7
3. Deus Vult!!!	11
4. Первые шаги	14
5. Геополитика	17
6. «2»	19
7. Дымов	21
8. Добро пожаловать в Жизнь!	25
9. Настоящий герой	30
10. Азы	33
11. Блымс. Блымс...	38
12. И тишина...	42
13. Ну, 13-я... Несчастливая глава	46
14. Меч и щит	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Булух. Марш анонимов. Книга 1

Крестопереносец

1. Полбу по лбу

Отряд, отставший от основных сил Симона Монфорского, погибал. Из двадцати трех рыцарей и полусотни сопровождающих (оруженосцев и наемников), остались на ногах только четверо. И среди них всего один рыцарь – Константин Полбу.

Слава Всевышнему, дождь пошел. Чуть легче стало.

Вообще, не заладился Четвертый Крестовый поход для сэра Константина Полбу, рыцаря Серебряной Шпоры, барона Шардо и Бельд.

Пока отряд добивают, расскажу я вам о Константине.

Кстати, то, что он, Константин, вовсе не значит, что ему Костян, Костик, или еще какое дурацкое прозвище можно прилепить. За такое он сразу в лоб... или по лбу даст, а то и мечом саданет. Потому что Полбу – это не фамилия, а именно прозвище. Да-да, вот Ланселот – он Озерный, а Константин – Полбу. Потому что тоже рыцарь, причем самый настоящий, наследственный.

Хотя, этот самый Ланселот, и жил лет за шестьсот до рождения Константина, много у них было общего. Например, желание найти Грааль. Константин для этого и в Третьем походе участвовал. Тогда еще совсем зеленым оруженосцем родовое гнездо покинул – тринадцати лет от роду. А вернулся матерым воином – в восемнадцать.

Теперь ему двадцать восемь. И он в этот несчастный Четвертый поход записался именно с целью нахождения Грааля. Ну и пограбить, разумеется, хотелось. Понравилось ему это дело в Третьем. Вернулся тогда он из пяти баронских сыновей, ушедших в поход, единственный. И с такими трофеями, что в добавок к родовой Шардо прикупили соседскую Бельд.

С Граалем не везло. Зато с грабежами все было нормально. Пока граф Тибо не преставился, мир его праху. А вот, как преставился он, все пошло наперекосяк.

Присоединился бесхозный отряд Константина к армии Симона, и будто сглазил кто. Кони болели, оруженосцы теряли доверенные их заботам доспехи, рыцари ссорились по пустякам... В одном трактире весь отряд хотели отравить, но видно дозу яда не рассчитали. Короче, выжили почти все, только четверо совсем молоденьких бастардов загнулись. Ну, покروшили рыцари всех, кто в трактире обитал в капусту, ясное дело. Правда, после еще три-четыре дня болели и кровавым поносом исходили, но поправились и бросились догонять своих.

Ну как бросились... Коней-то свели, пока отряд болел. С другой стороны, шли налегке, потому что доспехи тоже сперли почти у всех.

И тут снова напасть. В прямом смысле слова. Сарацины. Много. Сто тысяч миллионов, не меньше.

Про тысячи и миллионы Константин знал от одного знакомого колдуна. Тот именно сто тысяч миллионов демонов призывал, когда Константин его... Ну, спасал, в общем. Душу спасал, разумеется, пока тело колдунское в смоле медленно варилось.

И все эти сарацины ка-а-ак выпрыгнули из кустов.

Коварно.

Да еще и стрелами посекали, пока отряд ужин готовил. Разве можно так воевать? Воевать нужно, предварительно поставив врага в известность о своих планах, и дать ему возможность в доспехи облачиться. Ну, тем, у кого они еще остались. И в боевой порядок встать...

Ни стыда у этих мавров, ни совести. Ясное дело, семь десятков храбрых воинов перебили почти всех. Но оставшаяся пара сотен одолевала уже еле-еле стоящих на ногах героев. Из тех,

что десять лет назад прошли с Константином Третий Поход, и, потому, были готовы к неправильной войне.

Упал со стрелой в горле Косой. Косой был его товарищем еще по детским играм... Несмотря на то, что Косой был сыном всего лишь углежога, Константин вполне мог считать его другом. И считал. Сколько раз они друг друга выручали... До стольких даже колдун, знавший слово миллион, считать не умел, наверное.

Хмырь, бастард соседского барона, лет на пятнадцать старше всех в его... бывшем его, Константина, отряде. Пронзен сразу четырьмя копьями. А еще убеждал всех, что цыганка нагадала ему утонуть, и иной смерти он не боится. Наврала стерва.

Али-Баба, мавр, привезенный Константином из прошлого похода и принявший Веру Христову. Рассечен от плеч до пояса алебардой.

И вот, Полбу остался один. Один в окружении сотен перекошенных яростью лиц. Сарацины галдели, орали, визжали. Хотели взять живьем предводителя отряда крестоносцев. Сколько он убил сегодня? Десять? Тысячу? Он не считал, он дрался. Устал Константин. Очень устал. Шлем давно уже сбили, доспех иссекли, меч стал будто впятеро тяжелее. Щит... Да толку от щита, если бой идет уже третий час, а в руках тяжелый полуторник? Тут бы меч не уронить.

«Сейчас меня убьют, – равнодушно подумал рыцарь. – И все. Отмучаюсь».

Здравствуй, Царствие Небесное. Рай. Конечно, рай. Столько неверных, еретиков, колдунов и просто козлов перебил, что только в рай дорога. Мелкие грешки, вроде прелюбодеяний и стяжательства, простятся. Без сомнения. Да и участие в двух Походах чего-то да стоит.

Только бы успеть... Успеть завалить еще вот этого, с алебардой. Который Али кончил. Самый большой из всех мавров. Вон как глазами сверкает. Одержимый, не иначе.

Обидно только, что род пресечется. Не удержат бастарды баронской короны. Нет у них прав, хоть и признаны. Малолетнему бастарду, коли нет у него защитника, два пути: побег и забвение или яма без креста. И снова забвение. А наследником Константин так и не обзавелся.

Кто там у него текущая дама сердца? Брунхильда Томокская, да... Худющая дылда и стерва, каких поискать. Но ничего не поделаешь, за ней два соседних баронства числятся в приданом. А это значит что? Мельница, четыре поля и почти пять тысяч крестьян – вот что это значит. Через эту призму Брунхильда очень даже ничего.

Дождь все усиливался, сверкали молнии, ураганный ветер гнул деревья.

Константин продолжал битву, совершенно ее не контролируя. Тело само дралось, на пределе способностей. А рыцарь думал на отвлеченные темы.

Константин бы помолился, да не хотел сбивать дыхание. И так жить оставалось недолго, а начнешь говорить, отвлечешься, тут и кранты. А жить все-таки очень хочется, несмотря на грядущий рай. А вот умирать, наоборот, не хочется. Больно это, наверное...

Сарацины, похоже, боятся неистового рыцаря. Вон как отпрыгивают. Давно бы завалили массой, да, видно, тоже жить хотят.

Цепь обвила левую руку, и кошка впилась в запястье. Одновременно крюк подсек правую, опорную ногу, и Полбу стал падать.

Правая рука с зажатым мечом последний раз поднимается...

«Вот и все, – успел подумать он. – Сейчас...»

Прямо в лоб летит подкованный каблук тяжелого сапога... и бьет Полбу по лбу.

Молния бьет в воздетый к небу меч...

Мир сэра Константина Полбу, рыцаря Серебряной Шпоры, барона Шардо и Бельд сжимается в точку. И почти сразу взрывается.

2. Красная подушечка

Он приходил в себя мучительно долго. Да и просто – мучительно.

Дождь все еще шел, но гремело уже где-то далеко. Ураганный ветер стих до просто сильного и приятно обдувал тело. Голое тело. Совершенно голое тело, стоящее у дерева.

Чудны, дела твои, Господи, подумал Константин. Вот я. Смотрю на свое тело, находящееся шагах в пяти от меня. И в тоже время чувствую, что мне холодно. И мокро. Потому что дождь и ветер, все верно. А вот если бы не они – было бы тепло и сухо.

Стоп. Не о том я.

Вот почему я смотрю на себя со стороны? Может душа моя отлетела и смотрит теперь? А тело тогда что? Чье? Вон стоит, глазами лупает. На лбу шишка с приличное яблоко, и волосы торчком.

Хм, если меня убили – а меня точно убили – где Петр? Ангелы? Ну, или, на худой конец, черти?

В Рай или в Ад? Куда мне идти? Лестницы в небо нет. Вилами никто не тычет. Да и вообще, не вяжется... Меня ведь если убили, то тело должны были изрубить в капусту. Мавры они такие, если набросятся толпой, порвут на куски, аки псы бешеные. Не бывает так, чтобы рыцаря раздели да просто бросили, даже голову не отрубив, на всякий случай.

Однако, тело вот оно, стоит. Целехонькое. Ну, относительно.

И буквы какие-то в воздухе висят.

Разве бывает, чтобы буквы да в воздухе, сами по себе, без пергамента?

Никогда он о таком не слышал, хотя специально не интересовался. Да и вообще буквами не интересовался, не рыцарское это дело – писать да читать. На то святые отцы есть, они и разберут тексты священные и растолкуют.

Ну и колдуны еще читать умеют, будь они прокляты. Вот потому они и колдуны, что читать умеют, а в сани не состоят. Смущает их через то чтение нечистый. К ересям толкает, вон сколько расплодилось еретиков в последнее время... А то и вовсе – к колдовству. Так что, ничего хорошего в этом чтении нет. Не нужно оно рыцарю и даже вредно. Так и отец Себастьян, что Константиновым образованием в детстве занимался, постоянно повторял.

Вообще, Константин был очень грамотным для своего времени рыцарем. Он знал геральдику, умел читать карту, если в ней не было букв, считал до десяти почти без ошибок. Знал он большие числа, типа тысяча и миллион. Ну, знал об их существовании. И даже мог написать, вернее нарисовать свое имя. Все эти умения, помимо геральдики, являлись даже не вторичными в тогдашней образовательной системе, а скорее десятичными.

А вот умение драться – кулаками, мечом, копьем, кистенем, топором, в одиночку и в строе, пешим и конным, защищать и осаждать крепости – это фундамент, на котором строится рыцарское обучение. Еще нужно уметь командовать. Но это дело само приходит, с опытом. Или не приходит. Если не дано, то учить дурака – только портить.

Так что на буквы можно внимания не обращать, решил Константин. Нужно просто Знака ждать. А Знак скоро будет, никуда не денется. Наверное, занят чем-то Святой Петр, вот и не пришел пока. Но ничего, освободится – и ответит душу верного служителя господня в райские чертоги. Ну а пока... Пока можно рассмотреть свое бывшее тело получше. Интересно ведь, как его другие люди раньше видели.

Рыцарь сделал пару шагов и...

– О, прекрасный сэр! Собогазоволите выбрать расу.

Голос. Нежный, добрый, ласковый женский голос. Не иначе сама...

– Аве Мария!!! – Константин попытался рухнуть на колени. Не получилось за отсутствием оных. Это факт его озадачил.

– Прекрасный сэр, к сожалению, запрашиваемой расы нет в базе данных. Собогазоволите выбрать расу.

Чего она хочет-то?

– Я просто человек, и я не...

– Благодарю вас, прекрасный сэр! Вами выбрана раса – человек.

– Ка... ка... Какая раса? – О чем это она? И вообще, она ли это? В смысле – Она?

– Человек, – терпеливо пояснил голос. – Прекрасный сэр, собогазоволите выбрать приоритетное направление развития.

– Чего? Куда мне пойти???

– Доступные базовые направления: воин, бард, колдун, вор, священник, торговец, ремесленник...

– Я рыцарь!

– Прекрасный сэр, подкласс рыцарь станет доступен лишь при достижении сотого уровня. Выберите...

– Воин! Я воин Христов! Из воинства Христова!!! А ты...

– Благодарю вас, прекрасный сэр! Вами выбрано направление развития – воин.

– А ну прочти «Отче наш»! Немедленно!

– Прекрасный сэр, ваш запрос не входит в мой функционал. Выберите...

– Читай Отче наш, а то я сам начну! И не буду с тобой вообще разговаривать! Может ты наваждение темных сил? А? Быстро! Читай!

Голос вздохнул, пробормотал: «Как же с вами сложно» – и быстренько оттараторил молитву.

– Три раза! – потребовал Полбу.

После третьего прочтения Константин слегка успокоился. Точно не адские силы его смущают, раз святая молитва голосу нипочем. Но и не Дева Мария с ним разговаривает, это тоже факт. А кто? Может ангел?

– Ты ангел?

– Добрый сэр, вы все поймете позже. Вопросы и ответы не предусмотрены в настройке персонажа и интерфейса...

– Я не иудей! Мне не нужны пейсы!

– К настройке внешности мы еще вернемся, о добрый сэр. Выберите первоначальную локацию из списка.

И на Константина посыпался целый град букв. Он даже пытаться не стал в них разобраться, просто... просто само так получилось, что взгляд зацепился за какую-то строчку. Та мигнула, засияла и пропала вместе с остальными.

– Добрый сэр, выберите вероисповедание.

– Что значит выбрать? Христианство! Единственная верная религия! Ересь отступничества...

– Выбрана религия «Ересь Отступничества». Добрый сэр...

– ...я не приемлю! Что значит – выбрана??? Я ничего не понимаю! Я сейчас с ума сойду! Покажись! Кто ты! Умоляю тебя, прекрасная дева, покажись!!!

– Добрый сэр, я не могу показаться. Это не входит в мой функционал...

– Дева, тебя заколдовали? Позволь воину Христову разрушить чары! Где мерзкий колдун? Я намотаю его кишки на меч, чары спадут и...

– Намерения ваши благородны, о прекрасный сэр. Ради меня еще никто не наматывал кишок на меч, – голос, вроде, чуточку зазвенел сарказмом. – Но нам осталось оговорить еще несколько пунктов... Прекрасный сэр, вы желаете изменить внешность?

– Чью? Свою? Подстричься что ли? Или побриться? Нет, не желаю. К лету ближе, буду мыться, тогда и подстригусь.

– Как пожелаете, добрый сэ, – в голосе послышался облегчённый вздох. – Шишку тоже желаете оставить?

– А можно вылечить?

– Можно.

– Без шишки я симпатичней, все-таки... Хвала Господу! Пропала шишка!!!

– Какой режим оповещения желаете установить? Голосовой, текстовый, комбинированный?

– Че?

– Желаете ли вы слышать голоса, уведомляющие вас о событиях и...

– Это будет глас Бога?

– Конечно, нет, добрый сэ. Это...

– Тогда – нет! Никаких голосов! Голоса в голове, если это не божественное откровение – от лукавого!

– Как пожелаете, добрый сэ. Установлен текстовый режим оповещения. Добрый сэ, желаете ли вы распределить доступные очки характеристик? Доступно пять свободных очков.

– Что где доступно?

– Вам доступны пять...

– Эй, пять я знаю. Это где-то между три и восемь. Ты про очки. Очки – это как на турнире? Когда из седла не выбил, но копьё преломил?

– Вам доступны пять... – голос был уже чуточку раздражен.

– Что с ними делать-то?

– Распределить по основным характеристикам, добрый сэ.

– Характер у меня хороший. Такой и нужен рыцарю. Я верный вассал и храбрый воин! Преданный слуга церкви и...

– Вы установили текстовый режим оповещения, о добрый сэ, а потому я умолкаю. Вы должны самостоятельно распределить очки, после этого режим настройки будет почти завершен.

Константин долго потом орал, звал голос, молился, пытался биться головой о дерево, но ничего не помогало. Лишь перед глазами мельтешили буковки и висела огромная презренно-арабская цифра «5».

Наконец, утомившись, он присел рядом со своим телом и задумался.

Режим настройки... Непонятно, что это. Но, понятно, что это то, что сейчас происходит с ним. Это бред. Бред какой-то.

Ладно, может, это чистилище такое?

А вдруг?

И вот, кончится «режим настройки», тогда и прилетят ангелы. Короче нужно эти очки распределить, будь они неладны. А как? Он посмотрел на висящие в воздухе, около все еще стоящего и глупо моргающего тела, буковки. Несколько строчек. Считать их лень, да и не до того сейчас. Очки нужно распределять, а не строчки считать.

Полбу пристально посмотрел на верхнюю строчку. Она заморгала.

...Ну, мы то с вами знаем, что именно в верхней строчке обычно находится, да?

А вот Константин не знал. Да и все равно ему было. Очки! Скорее, скорее распределить очки...

Он мигнул. Арабская пятерка превратилась в не менее арабскую четверку. А в строчке что-то неуловимо изменилось. Рыцарь понял, что на верном пути, и мигнул еще четыре раза, пристально всматриваясь в верхнюю строчку.

– Поздравляю, добрый сэ! – зазвучал неподдельно радостный голос. Вероятно, ему уже надоело следить за мучениями и метаниями неграмотного барона Шардо и Бельд. – Вы совершили почти невозможное и стали на путь подвигов и приключений! Запомните этот миг, пре-

красный сэр, и вспомните его через год-другой в момент печали. А сейчас остался последний шаг. Выберите имя.

– Что значит выберите??? У меня есть имя!

– Желаете принять имя Чтозначитвыберитеуменяестьимя, о добрый сэр?

– Че? Нет!!! Меня Константин, Константин зовут!

– Желаете принять имя Константин-Константин?

– Нет, просто Константин!

– Желаете принять имя Просто Константин? – Рыцарь об этом не догадывается, но вам я скажу. Голос над ним издевался. Мстил. За все те эпитеты, которыми наградил его барон во время распределения очков характеристик.

– Так! Слушай! Сюда! Мое имя – сэр Константин Полбу, рыцарь Серебряной Шпоры, барон Шардо и Бельд! И другого имени мне не нужно! Ну... разве что, на Брунхильде женюсь и добавлю к имени еще пару баронств... Все ясно?

– Прекрасный сэр, рекомендовано сократить имя.

– Сократ – это тот грек, который камни жевал?

– Нет. Сократ – это тот грек, который отравился. Но речь не о нем. Добрый сэр, если позволите, я дам вам совет. А то у меня уже смена заканчивается. Выберите имя Константин Полбу.

– А сэр? А рыцарь? А барон??? Я что, крестьянин какой???

– Не переживайте, добрый сэр. Вы как до людей доносили тот факт, что вы барон и рыцарь?

– Благородными чертами своего лица! Поступками!!! Кулаком, мечом! Ну и просто говорил.

– Вот и продолжайте, кто вам мешает? А запишитесь как Константин Полбу.

– Ну... Хорошо. И что нужно сделать?

– Ответить «ДА» на мой следующий вопрос, добрый сэр.

– Какой? Ты не предложишь мне продать душу? Или согрешить скотоложством? Или...

– Нет. Вопрос: вы желаете принять имя Константин Полбу?

– А, ясно. Да. Желаю.

– Ну, слава тебе Господи... Отмучилась... – пробормотал голос. – И откуда они их берут только... Ой, простите, добрый сэр, вы еще здесь?

– А где мне быть?

– Ну, добрый сэр, конечно же мчаться на встречу приключениям, славе и богатству! У вас прямо перед глазами большая красная кноп... красная подушечка с буковками. Попробуйте на нее надавить.

Полбу послушался и исчез.

Голос облегченно выдохнул:

– Фух... Все. Ну, пипец. Так, а на завтра у меня кто? Кто? Что? Грырк??? Что за Грырк... КРОМАНЬОНЕЦ??? Вы что, издеваетесь???

3. Deus Vult!!!

Константин, еще не окончательно проснувшись, лежал с закрытыми глазами, вдыхал запах свежего сена и неторопливо, как и положено с похмелья, размышлял.

Приснится же такое, Господи помилуй... Нет, ну до чего странный сон. Ну разве может такое быть... Чтобы сарадины, да не изрубили на кусочки? Все остальное во сне – тоже странное, но чтоб сарадины только разок по лбу дали, да бросили – это вообще ни в какие ворота.

Какое мягкое, пахучее, хорошее сено... Клевера, наверное, много, хвала Господу, уродилось. Хоть сам ешь. И козы мемекают, видно опять перебрал, да до покоев... а – а – а... он же в походе... ну, значит, до шатра не добрался. Хорошо, что в этот раз не в хлеву, а в каком-то сарае заснул. В прошлый раз его собутыльники именно в хлеву потеряли. Надо Хмырю и Косому по лбу... по лбам фофанов понадавать, чтоб не теряли своего барона боле. А то взяли, понимаешь моду, наравне с ним нажираться... Будто и не хозяин он им, а ровня. Ну, мало ли, что с ними весело, а других баронов на полсотни миль вокруг он терпеть не может? Не повод это. И не отмазка. Ух, затрещат лбы!!!

А – а... их же убили... Или не убили? Во сне да, убили. Да нет, не могли убить. Хмырь, он вообще вечный. Сколько себя помнит Полбу, всю жизнь Хмырь одинаковый, будто вобла на солнце высушенный, до каменной крепости. Такого, поди, и мечом не проткнешь. А Косой, он хоть и косой, а юркий, как змея. И такой же скользкий... Чтоб Косого, да стрелой??? Он от арбалетных болтов и то отпрыгивает... Отпрыгивал. Нет, это сон был, значит – отпрыгивает.

Или не сон? Как может присниться... такое? Очки какие-то, буковки... Бррр... Господи, пронеси! Так. Есть способ проверить – радостно придумал сонный рыцарь. – Шишка! Если шишка есть, значит... А, нет... Шишку непонятный голос вылечил. Волосы!!! Волосы его с две ладони длинной уже и красиво на кончиках завиваться должны. А после удара молнии, Боже упаси от гнева своего праведного... короче, после молнии – они распушились во все стороны, равномерно так. На время, конечно. Пройдет. А не пройдет – сбреет.

Аве Мария, придет же такое в голову. Что он, девка, по волосам жизнь мерить? Ладно, сейчас глаза нужно открыть да кликнуть оруженосцев. И все ясно станет.

Константин внутренне собрался и приоткрыл один глаз. Вздрогнул. Закрыл. Почему? Да потому, что увидел он косу, торчащую из сена. И вилы. А над этим инвентарем – буковки. И арабские, Господь их прокляни, циферки. Циферки-то он знал, понахватался в предыдущем походе, а вот в буковках ну совсем не разбирался. Да и не важно: арабские они, латынь, греческие или еще в какой тьму-таракании выдуманные. Главное – само наличие.

Не сон?

Или... Или все еще сон? Он больно ущипнул себя за голую ляжку.

– М – мать...ерь божья, пресвятая Мария! – поправился он. Греха богохульства рыцарь старался избегать. Больно получилось, и даже перед закрытыми глазами побежали буковки. В верхнем углу зрения (какого зрения, глаза ведь закрыты???) показались три вертикальные полосочки: синяя, белая, красная. И красная почему-то чуточку обесцветилась. Будто вытекло из нее что-то.

Константин, потирая ущипленное место, ошарашенно оглядывался. На всех... На всех без исключения вещах, если сконцентрировать на них взгляд, появлялись буковки. И, чтоб им пусто было, проклятые арабские цифры.

Константин зажмурился крепко-крепко и запел «Аве Мария». Голос у него был громкий, хотя отец Сильверус почему-то говорил, что голоса у барона нет. И слышал Константин прекрасно, хотя отец Сильверус...

Козы изумленно посмотрели на поющего и замолчали, видимо наслаждаясь прекрасными божественными словами песнопения... А с улицы, напротив, слышались крики, стуки, конский топот.

Со скрипом распахнулась кривоватая дверь сарая, и перед глазами удивленных донельзя, вооруженных сельхозинвентарем крестьян предстал... Хм. Нет, никто бы не сказал – благородный рыцарь. Голый, грязный, сидящий в копне сена человек. С взъерошенными, торчащими в разные стороны длинными волосами, неряшливой, точно так же распушившейся бородой и закрытыми глазами. Да еще и орущий, что-то нечленораздельное.

Крестьяне посмотрели на старосту. Староста посмотрел в небо. Небо равнодушно смотрело на всех.

– Ты кто? – спросил староста человека, уловив момент, когда тот заткнулся, чтобы набрать в легкие воздух.

Человек, не обратив на этот вопрос внимания, продолжил орать. И орал еще какое-то время, пока, судя по всему, не высказал миру все, что о нем думал.

Староста погоста был человеком мудрым, много повидавшим, да и просто образованным. В выкрикиваемых звуках он уловил знакомые слова...

– Католик, – уверенно сказал он. – Католик, это други. Молитва это у них такая есть. Как наша «Богородице, дева радуйся». Только на старо-римском, сиречь – латыни. Ну, если католик – значит не поганый. Успокойтесь, не ордынец он.

До татаро – монгольского ига оставалось еще почти тридцать пять лет. Но об орде уже ходили нехорошие слухи. Где-то далеко на востоке силу они великую, говорят, набирают. Да и вообще, некоторые кочевники часто отрядами, а иногда и целыми племенами, бродили по Руси, изредка доходя даже до Новгородских владений. Темучжин-хан к ним никакого отношения не имеет, да и не половцы они. Просто залетные кочевники. Дикие.

Крестоносцев же новгородцы не боялись. Шведское войско вторгнется на Русь через сорок лет, а пока ни о какой межгосударственной напряженности и речи нет.

Селяне слегка успокоились. Но все равно удивленно рассматривали пушистого человека и вполголоса переговаривались. Нельзя мешать молитве, пусть даже такой чудной.

– Ты это... Федотка. Сгоняй шустро до бабы Фроси, возьми у нее портки какие, рубаху... Лапти там. Не гоже взрослому человеку голым задом светить, аки мальцу какому. Давай, бегом!

– Правильно, староста, правильно... Разбазаривай общинное имущество...

– А ну, цыц!

– Че он голосит, как оглашенный?

– Может юродивый?

– Да без штанов. Потому и орет. Штаны у бога просит.

– Дык ему ж щас принесут.

– Видать выпросил ужо...

– Не, просто принято у них так... Собираются на площади, и давай хором орать... Думают, боженька их так скорее услышит.

– Ой, а может и нам так попробовать? А то, вишь, коса сломалась, корова заболела... Я молюсь-молюсь, не помогает.

– Точно, из-за них корова твоя все еще и не выздоровела. Господь, небось, уши затыкает, когда они вместе вот так молятся...

– Да не так все...

– Как не так, когда вот он? Вишь, заливается... Не спроста ведь.

– А почему не понятно ничего?

– Дык сказали тебе – латынь энто. Язык древний. На нем в раю разговаривают.

– Так я шо, када помру – придется новый язык учить? Вернее – древний?

– Тебе не придется. Ты вон, Дашку обрюхатил и не сознаешься. За такое одна дорога – в пекло.

– Не я то был! Не я! Ну, скорее всего... Она сама, наверное.

– Да тьфу на тебя, скажешь тоже...

– Много нас у нее было. По очереди, че уставились? Че эт сразу я то?

– А кто? У тебя детей вон, восемнадцать штук. Видно, плодовитый. На кого ж еще думать? На Алешку шоль? Так у него и усы еще не выросли...

– Зато елда выросла...

– Тихо... Замолк он вроде.

Константин закончил песнопение и открыл глаза. Буковки-циферки никуда не исчезли. Даже еще хуже стало. У сарая толпились десятка два бородатых крепких мужиков, по виду пизаны. Но такие пизаны, упитанные, уверенные, толстенькие. Видно, распустил их местный барон, жалеет. Вон, как нагло на благородного рыцаря глазают.

«Вот, щас встану, – подумал Полбу, – и отвешу каждому из них по лбу. По лбам, над которыми снова циферки-буковки болтаются... Пресвятая дева, что со мной? Почему не помогла, не стерла это... это... наваждение???»

– Ты. Есть... Почему. – На ломаном галльском спросил самый большой и самый бородатый пизанин. – Что? Где? Когда? Почему?

– Во наш староста шпарит, во дает!!! – возбужденно загалдели селяне. – Гра-а-амотный!

– Еще бы, он даже грамоты берестяные умеет составлять!

– Потому и староста...

– Староста, а чего он такой лохматый?

– Щас выясню, – староста приободрился, увидев, что страх голого человека сменился озадаченностью. – Ты. Мы. Верх. Будешь. Зачем?

Полбу почесал пушистый затылок. Что этот седобородый, но мощный пизанин от него хочет? Смысл вопросов ускользал от рыцаря. Что не мудрено. Думаю, ели бы мы с вами не знали перевода, тоже бы ничего не поняли.

Староста показывал то на свою голову, то на голову Константина. Потом, зачем-то потянул себя за бороду и взъерошил седую шевелюру.

– Алилуйя, – неожиданно сказал староста.

И крестопереносец машинально перекрестился. Слева направо.

Крестьяне, видя такое непотребство, наперебой загалдели и стали требовать у старосты, прежде всего, научить невежу креститься правильно.

– Федотка, принес? О, господи, боже ты мой... Как же по-ихнему «портки» будут...

И староста ткнул одной рукой в район паха, а второй – в держащего одежду паренька.

Тут некоторые селяне стали показывать, как это «правильно» креститься. А один самый мелкий, но зато самый громкий мужичонка орал, что, мол, не выдавать католику штанов, пока по православному не перекрестится.

«Отступники, – понял крестопереносец. – Еретики. Оскопить хотят. Вот этот, идиот лупоглазый у них за палача, не иначе. Уже вон и тряпки какие-то приволок».

Точно. Чтоб кровью не истек раньше времени. А потом, или повесят – не зря же говорили «верх» – или голову с плеч. Да. Вон, седой показывал, что волосы поднимут и вжи-и-их!

Ну... Выручай, Господь!

– Deus Vult!!! – выкрикнул он. И бросился в безнадежную атаку.

4. Первые шаги

– Гы... Гы-гы-гы! Да отдай ты ему одежду! Не видишь, малахольный он!

– Ха-ха!

Голый человек занимался непонятно чем... Прыгал вокруг крестьян, снова орал, и, вроде как, бил.

Только вот бил-то – понарошку. Трехлетний карапуз – и тот сильнее треснет. Сначала селяне перепугались яростно горящих глаз и безумного оскала, снова похватили дрыны да вилы... Но теперь успокоились. То ли отменный скоморох этот волосатый, то ли и вправду юродивый.

Пытается прыгнуть – падает.

Ударит – промажет. А если и попадет, то так, шуточно...

Сделал вид, будто вилы поднять хочет – да уронил, будто тяжелы вилы-то... Ой, умора!

Видно, отблагодарить их представлением за одежду вознамерился. Ну, за такое можно и накормить даже, давно так животиков от смеха не надрывали...

Константин не понимал в чем дело. Послушное ранее тело выдавало сбой за сбоем... Даже на ногах удержаться трудно. Деревянные вилы, которые, считай, и не весят ничего, из рук вываливаются... Пейзан он бьет, а те только регочут да от смеха корчатся... Колдуны? Да нет, не колдуны, крестятся ведь... Хоть и по-еретически, но верят в Господа.

Наконец, он выбрал того самого лупоглазого, которого почему-то сразу невзлюбил. И стал пытаться завалить хоть этого – безбородого паренька годков четырнадцати. Куда там! Паренек твердый, будто каменный. Все кулаки о него сбил... Попытался душить – лупоглазый чихнул. Рыцаря сдуло, и он отлетел к стене сарая. Благо упал на сено, а если бы на вилы?

Белая полоска почти полностью посерела, и красная при падении опустела на треть... И снова циферки...

Константин попытался встать, но смог лишь приподняться на четвереньки... Сжав зубы, он неимоверным усилием воли, с громким рычанием выпрямился... Белая полоска мигнула, погасла. И Полбу потерял сознание.

...

Открыв глаза, Константин сразу увидел стоящий прямо на земляном полу сарая горшок. Из горшка вкусно пахло. Рядом стоял высокий кувшин и лежали два больших красных яблока. Неподалеку – аккуратно свернутые тряпки и какие-то с виду деревянные башмаки. Над этими предметами, как и над всеми прочими, снова буковки. Рыцарь вздохнул. Опять. Да что же такое...

Приоткрыл крышку горшка. Какая-то бледно-коричневая каша. С маленькими кусочками сала. Еще теплая. Заглянул в кувшин. Молоко. Коровье. Холодное.

Резонно рассудив, что травить его не будут – хотели бы, убили, не переводя продукты – барон Шардо и Бельд поел. Он того не знал, но ел Полбу полбу. Такой вот каламбурчик.

Слопав все без остатка и даже сжевав яблочные огрызки, почувствовал себя намного лучше. Смог пересилить отвращение и развернуть тряпки, в которых узнал именно те, что держал лупоглазый. Штаны и рубаха. Не новые, но чистые. Простое домотканое полотно. Но лучше хоть что-то, чем голым ходить. Оделся. Нашел лежащую в одном из деревянных башмаков веревочку и подпоясался. С сомнением рассмотрел предлагаемую обувь. Отставил в сторону.

Почесал подбородок. Борода все еще торчит во все стороны отдельными волосиками... Проверил голову – то же самое. Поплевал на руки, пригладил волосы. Они снова встали дыбом. Ладно, пусть торчат, сегодня не жениться и не помирать.

И что теперь?

Идти искать этих страшных еретиков? А зачем? Он на их языке не говорит... Нет, как и все образованные рыцари, Константин чуточку знает латынь и греческий, да и в Третьем походе нахватался, но... Этот варварский диалект точно незнаком. И куда его занесло-то? И главное – как отсюда выбираться? Хотя нет, главное – все же буквы. Нужно найти святого отца какого-нибудь, пусть растолкует: бесы его мучают или Господь испытание ниспослал... О! Святой отец! Священник! Любой священник, пусть даже еретик, просто обязан знать латынь и греческий!!! Книги ведь только на них пишут! А что за священник, коли читать не умеет? Нет, есть, конечно, и такие... Но они, как правило, у настоящих на подхвате.

Может вилы взять или грабли? Тяжелые... Ну, хоть из рук не вываливаются. Нет, далеко он с ними не уйдет... Ну их...

Новая напасть... В правом верхнем углу зрения, напротив находящихся в левом углу полосочек, появились картинки. Чего там нарисовано не разобрать. В самом низу зрения пробежала строчка. Мигнув, пропала. Появилась другая. Прямо по центру закрыли обзор две красные подушечки. На одной две буквы нарисованы, на другой – три.

Как сделать так, чтоб подушечки исчезли, Полбу знал и, пожав плечами, нажал на первую.

Вроде ничего не произошло, лишь там, справа, появилась еще одна картинка. Какой-то кривой червяк, а под ним точка. Пресвятая Дева, если так дальше пойдет, вообще ничего видно не будет из-за этих картинок! Срочно, срочно падре найти!!!

Константин перекрестился, прочел шепотом «Отче Наш» и широким, уверенным шагом вышел из сарая... Огляделся.

Неподалеку в пыли возились несколько мальчишек. Один посмотрел на рыцаря, весело ему подмигнул, показал язык и шустро куда-то убежал. Понятно, за старшими... Следить оставлены. Правильно. И все равно, мальчишек осталось несколько. «Несколько – это когда больше трех, но меньше, чем десять», – вдруг всплыло в памяти. Больше десяти – группа. Господи, с чего бы это???

Куры, козы... Плетни. Обычная деревня. Только вот не совсем такая, как на землях Полбу и его ближайших соседей. И дома не такие, и сараи. И даже огороды не такие. И самое главное – люди. Люди не такие. Даже дети – и те ведут себя... Неправильно.

Константин не мог объяснить чем, но окружающая его деревня отличалась от привычных, как... ну... как собака от кошки. И та, и другая в шерсти и с зубами, но совсем не похожи. И это еще, если не принимать в расчет буквы, которые всплывали над каждым, буквально каждым предметом, стоило сосредоточить на нем взгляд.

«Видно, далеко меня занесло», – подумал рыцарь. Да, во время предыдущего Крестового Похода он уже насмотрелся всякого. И понимал, что в разных местностях и строят по-разному, и выращивают в полях и огородах свое местное, и даже ведут себя согласно устоявшимся традициям. Так что ладно, пусть и далекая еретическая деревня, но... Хоть люди. Не черти, не колдуны и не сараины какие, спаси Господи.

Нужно просто запомнить, где эта деревня находится, а потом вернуться сюда с отрядом и сжечь. Не место ереси в мире Господнем.

Пока оглядывался Полбу да удивлялся, вернулся сбежавший киндер. И привел троих бородатых, широкоплечих, ширококостных мужичков. По виду – братьев. Одеты примерно так, как и Константин сейчас. Двое были в тех самых деревянных башмаках, а один в кожаных высоких сапогах. Вот и все отличие. Хотя нет. За пояса у всех троих заткнуты топоры. Небольшие, с короткими обухами... Боятся они его что ли? Правильно делают. Рыцарь и без оружия несколько раз по несколько крестьян наизнанку вывернет... Ну... Если слабость снова не накатит, конечно. И...

– Очнулся, болезный? – прогудел самый бородатый, тот, что степенно шагал в середине. Слов Полбу не разобрал, но понял – пейзаж проявляет участие. Кивнул. Как бы им объяснить, что ему священник нужен срочно...

– Пошли с нами, – махнул рукой другой бородач. – Посадник приехал, посмотреть на тебя хочет. И даже епископ с ним.

Константин из всей речи уловил лишь одно слово «епископ». Слава тебе, Господь Великий! Слава!!!

Полбу мигнул. Мужички засветились неярким, вполне отчетливым сиянием. «Яко ангелы», – подумал рыцарь. Только вот воспринимать их как ангелов мешал тот факт, что над головами у них вместо нимбов сияли зеленые направленные вниз стрелочки.

5. Геополитика

Дабы нам с вами было проще воспринимать окружающие сейчас барона Шардо и Бельд реалии, расскажу куда он попал. Полбу это все выяснит по ходу дела, а вот вы будете уже в курсе, и заострять внимание на географических и геополитических деталях я больше не стану.

Погост, а был это именно погост, а вовсе не деревня, был большим. Дворов двадцать пять, не меньше. И даже церковь имелась, хоть и маленькая. Мы бы сказали – районный центр. В округе раскиданы деревеньки по три – пять дворов, крестьяне с которых административно подчинялись старосте погоста.

Посадник Володимир Ярович, поставленный новгородским князем Святославом Всеволодовичем, подчинялся, вроде как, непосредственно хозяину Бежецкой Пятины Ермаку Васильевичу. Но на самом деле радел именно о князе. Таких посадников, управляющих несколькими погостами и волостями, входящими в состав Пятин, двойных агентов князя в Новгородской республике было завалишь. Через одного, а то и больше.

Пятин, как несложно догадаться, было пять. Нам интересна из них всего одна – Бежецкая. Располагалась она на востоке Новгородской земли, там, где сейчас привычная нам Тверская область находится.

О политике и географии хватит. Теперь о религии.

Епископ Бежецкий, отец Кондратий, по случаю в это самое время гостил у друга детства и юношества Володимира.

Кондратий, грек по рождению, провел нежные свои годы вместе с отцом – торговцем-шпионом в Новгороде. Потом, когда исполнилось ему четырнадцать, отправлен был на родину. Прошел обучение, послушничество, заработал авторитет, достиг определенной планки, выше которой уже на одних способностях не залезешь, и попросился назад, в Новгород.

В то время все церковное начальство на Руси назначалось исключительно Константинополем. Ехать в эти медвежьи углы особо никто не рвался, и Кондратия с удовольствием отпустили.

В самом Новгороде уже был Архиепископ, и, подумав немного, помолясь, он назначил приехавшего тридцатитрехлетнего Константина епископом подведомственного Бежецка.

С тех пор прошло уже пятнадцать лет, Архиепископу стукнуло семьдесят, стал он немощен, разумом небыстр, и почти всеми делами епархии заведовал отец Кондратий. Хотя номинально он числился все еще рядовым епископом заштатной Пятины.

Вкратце – все. Кому интересны подробности – вики в помощь.

...

За столом в большом светлом доме старосты сидели четверо.

Сам староста Боромир, посадник Володимир Ярович, отец Константин и еще один человек.

Первые трое неспешно закусывали, вспоминая голопузое детство, и будто не замечали четвертого. Тот, прихлебывая из высокого кубка квас, ухмылялся в усы и молчал.

– Боромир, ну ты даешь. Третий Прибывший за год... Намазано у тебя чем-то что ли?

– Да что, Ярович, виноват я? Они же сами...

– Да никто тебя не винит, успокойся. Просто во всех прочих погостах да волостях, дай то бог, пятеро за пятнадцать лет. А у тебя...

– Может чуют они, что Боромир наш погуливал-пошаливал по молодости? Вот и тянутся к душе родственной. Все же как один – разбойники, – улыбнулся епископ.

– Ну, хватил ты, Кондратий... А ну, да, да... Отец Кондратий, конечно, отец... Ну, никак не могу привыкнуть, что отец меня на два года младше и буцкал я отца в детстве почему зря! –

и посадник с епископом рассмеялись. – То, что было – быльем поросло. Никто не помнит ужо Борьку-Сажень. Нету Сажени, был, да весь вышел... А есть на его месте уважаемый староста Боромир. Преданный и честный. Верно я говорю?

– Вернее не бывает, – широко улыбнулся староста, и появилось в его лице что-то такое... Хищно-хитро-веселое. – Но где клад, все равно не скажу. Да и нету никакого клада.

– Ну ты, жучара, ну жучара!!! Доиграешься у меня, додразнишься! – Володимир шутливо погрозил старшему товарищу по детским играм пальцем. – Вот сведу в пыточную...

– Да нету у тебя пыточной.

– Специально для тебя построю и сведу. Выдам палачу перышко...

– Ты, Ярович, того... Не шути так. Я с детства щекотки боюсь, знаешь ведь. Кнута, клещей не боюсь, а про перышко... бррр... даже не говори.

В дубовую дверь застучали.

– Заходите! – крикнул хозяин. – Привели?

– Привели, привели... Ой... Мое почтение, посадник. Батюшка, благослови...

– Благословляю на дела добрые и жизнь по-божески, – перекрестил троих вошедших мужичков епископ. – А где гость-то?

– На дворе мнется, зайти боится.

– А чего боится? Били?

– Да как можно, юродивого немца-то!

– Отколь думаете, что немец?

– Да лопочет чего-то, бубнит, гудит, будто немой, безъязыкий. Немец и есть.

– Боромир, ты же говорил на латыни он разговаривает?

– Да я чего? Я ихнее бормотание не разумею. Так, попадались по молодости... кхम्म... Неважно.

– Ну ладно, – хлопнул в ладоши посадник. – Го посмотрим.

6. «2»

– Чего посмотрим? – спросил Боромир.

– А, да не обращай внимания, – махнул рукой епископ. – Вечно этот... ммм... раб божий какие-то словечки вставляет. И где берет-то, где нахватался...

– Не придирайтесь. Пойдемте Прибывшего смотреть.

И трое друзей вышли. А четвертый, так и не проронивший за все время ни слова, остался. Посидел минутку, сгрыз пряник, запил ядреным квасом, уменьшился до размеров мышки и спрятался за веник.

Константин за недалекую дорогу от сарая до дома старосты три раза отдыхал и десяток раз падал. Тело, будто чужое. Ноги заплетались, несильный ветерок сдувал на обочину, перешагнуть валяющуюся ветку – уже половина подвига.

В широком дворе явно чересчур зажиточного пейзажа непреодолимой преградой стала лестница в четыре ступеньки, ведущая на крыльцо. Трое бородачей, видно, хотели помочь, а то и понести несчастного, но рыцарская честь не позволила Полбу принять помощь грязных пейзажей. Хотя... Не таких уж и грязных. Почти все большинство ноблесов будут, с удивлением и внезапной досадой отметил про себя барон. Но тут же поправился, телесно они может и чище, но ведь главное – чистота духовная, внутренняя. И тут с рыцарем-крестоносцем, воином Господним, не им тягаться. Даже и сравнивать смешно. За такое сравнение и по лбу можно. Даже нужно. Но не себе же...

Эх, найти бы местного барона да преломить копье... Только, вот незадача, копья нет, доспехов нет, коня нет... Правильной координации движений и той нет. Вот и стоял Константин, переминался с ноги на ногу, цеплялся за перильца, а даже на первую ступеньку залезть не мог. От ярости и гнева на самого себя Полбу начало трясти. Крупную, бившую тело барона дрожь любой, не знавший бесстрашного рыцаря, легко мог принять за проявление панического ужаса.

Но Полбу – очень настойчивый рыцарь, привыкший превозмогать. И когда на крыльцо вышли трое приведших его мужичков, а за ними еще трое незнакомцев, Константин на карачках уже долез до третьей ступени. Белая полосочка почти полностью опустела, в голове рыцаря шумело, перед глазами все плыло. Но он не был намерен останавливаться на достигнутом. «Вот перелезу четвертую ступень, там уже и умру», – пообещал себе барон. – Не раньше».

– О, когда ты говорил, что волосат он изрядно, я по-другому это представлял, – прогудело сверху.

Константин поднял голову.

Тот самый седобородый, который, как догадался умный рыцарь, командует местными пейзажами. Второй – явно человек благородный, сразу понятно по одежде, выражению лица и горделивой позе. И самое главное – священник. Черная ряса, на груди огромное распятие. Золотое. Видно, тот самый епископ. Пригляделся к распятию. Застонал. Еретический епископ. Отступнический. Греческий. Из тех, что Папу не чтят, на картинки молятся и убивать во славу Христову не велят. Ну что за невезение?

Над головой священника сияет огромный желтый нимб. А над нимбом полуметровый столб. Палка с точкой.

Ладно, пусть будет хоть еретический, Константину с ним детей не крестить... Может подскажет, как ближайший костел найти. Но сейчас... главное... последняя... ступень... Не из тех... людей... сэр рыцарь Серебряной Шпоры... что... сдаются... на полпути... есть. Есть. ЕСТЬ!

В глазах резко потемнело, рука непроизвольно дернулась и кончиком пальца задела рясу священника. В ушах раздался торжественный гул фанфар, сквозь темноту в глазах побежали буквы, пролетели миллионы искр, соткавшиеся в ненавистно-арабскую цифру «2».

Слабость ушла мгновенно. В голове прояснилось. И Полбу даже смог встать. Как этот епископ такое сделал? Еретик, а лечит даже случайным прикосновением... Не может быть!

Константин много раз слышал о чудодейственных и целительных свойствах молитв вообще и священников в частности. Но увидеть, а тем более ощутить на себе довелось впервые.

Тут до рыцаря дошло. Сам епископ – ни при чём. Вернее – он всего лишь проводник Его воли!

Вера рыцаря, и до того крепкая словно камень, упрочилась до алмазной твердости.

– Аве Мария! – воскликнул крестоносец. – Славься Господь! Даже через инакомыслящего даешь поддержку верному воину Креста! Аллилуйя!!!

– О, да это франк, крестоносец, – сказал священник, обернувшись к богато одетому человеку. Заметил троих мнущих шапки селян, доставивших Полбу. Откуда шапки взяли – непонятно, не было у них шапок. А теперь есть. Стоят, мнут шапки. – Вы можете идти, господь вам в помощь. Дальше мы тут сами...

– А если... – начал один из них.

– Не будет если, – твердо ответил епископ. – Этот – совсем не такой, как тот, позaproшлый. Будет божья воля – справимся.

Селяне пожали плечами, вовсе не в пояс, а так, символически поклонились и ушли.

– Ну что, рыцарь креста... – сказал на чистом франкском, лишь с каким-то легким странным акцентом, богато одетый человек. – Вижу, похорошело тебе. Пошли в дом.

– Ярович, ты что по евойному сейчас лопочешь? – седобородый округлил глаза. – Ты что... Вообще все языки, что есть на свете, знаешь?

– Все, Боромир, все... И ты бы знал, если бы не испугался тогда.

– Я с детства щекотки боюсь, ты же знаешь...

– Ну вот. Сам виноват.

Константин гордо выпрямился.

– Меня зовут сэр Константин Полбу, рыцарь Серебряной Шпоры, барон Шардо и Бельд. Воин Креста, защитник истинной веры и освободитель Гроба господня! Имеешь ли ты достаточно чести, дабы назвать свое имя?

– Хм... Шпоры, да... Это той, которой коней в брюхо тычут? И почему одной? Точно Серебряной Шпоры, а не Серебряных Шпор?

– Э – э... Это... Название ордена такое. Я никогда особо не задумывался.

– А зря. Станешь задумываться почаще – этот процесс станет почти безболезненным. Пошли в дом, говорю. Сядем за стол, там и побеседуем.

И этот странный, говорящий на таком же странном франкском языке человек шагнул внутрь. За ним ушел седой. А епископ улыбнулся рыцарю и сказал по-гречески:

– Не волнуйся, сильномогучий защитник Христа. Здесь тебе не желают зла. Заходи, и поймешь многое.

Чтобы разобрать эту фразу, способностей Константина хватило. И он как-то сразу поверил.

7. Дымов

– Присаживайся, – богато одетый человек хлопнул по специально приготовленному для рыцаря четвертому табурету. – Не стесняйся. Ешь, пей... Икра черная, икра красная, заморская икра, баклажанная... Все оплачено. – И, непонятно чему, рассмеялся.

– Я не сяду за один стол с пейзажем!

Тут рыцарь немного покривил душой. Он вполне свободно ел из одного котла со слугами и оруженосцами и вполне терпимо относился к сословному неравенству. Просто, нужно же показать этим еретикам, кто есть кто. И сразу занять подобающее барону место. А то начнут считать его слизнякам и размазней, а потом, чтобы переубедить, кого-нибудь убить придется. Оно то можно... Было бы. Если б тело не сбило постоянно.

– Рыцарь, ты о Боромире что ли? – расхохотался мужчина. Вообще очень веселый, не по рангу смешливый собеседник барону попался. – Не переживай, он не из черных людей. Просто лет десять назад отпущен с дружины, но не совсем. Женился, домом вот обзавелся, хозяйством... За порядком бдит да за беспорядком следит. А, вообще, он тысяцкий, и в случае чего – топором да кистенём, да умением войско вести завсегда Родине поможет. И ополчение соберет, и вооружит, и ворогу спуска не даст. Считай его бароном местным, если хочешь.

– Ба... Бароном??? – Константин аж опешил. Этот мужлан бородатый – барон??? И в деревянном доме живет? Этот вопрос сильно озадачил рыцаря. – А где тогда его замок?

– Да не нужен ему замок, от кого прятаться? Пусть враги нас бояться, а не мы их.

Такой подход к вопросу был понятен Полбу, хоть и необычен. Замок – основа, на нем зиждется... да все зиждется... Но не будет же благородный человек обманывать? Сказал барон – значит барон. А сам он тогда кто?

Константин присел на табурет и уставился на чернобородого хорошо одетого собеседника.

– А ты? Ты кто? Я свое имя уже назвал.

– Посадник я. Граф по-вашему. Имя мое – Володимир Ярович Дымов. Под моей рукой восемь погостов и три волости Бежецкой Пятини земель Господина Великого Новгорода. Нас, посадников, в Пятини десятеро. И у каждого свой уезд. Мой – самый большой. И кстати... Предвосхищая вопрос, у меня замка тоже нет.

Граф!!! Вот так удача! Скрестить меч, преломить копье с графом-еретиком и показать ему силу истинной веры Христовой!!! Не это ли мечта любого уважающего себя рыцаря???

Константин вскочил.

– Граф Вольдемар Йароуитч Димофф! Как благородный человек, ты обязан предоставить мне коня, доспех и копье! И сразится со мной не на жизнь, а на смерть за право называться победителем и защитником истинной веры! Я...

– Да сиди уж, оглашенный... Будет тебе и доспех, и копье... и даже бафы будут... Но только позже. Ты же сейчас на ногах еле стоишь, какой поединок? Поправься сначала. Вот, на, выпей... Че морщишься? Квас это. Хреновый квас. – Дымов снова рассмеялся. – В смысле – хороший. Просто с хреном.

– Что такое бафы? Защитные накладки? Наручи? Поножи?

– Ну да, ну да... Накладки. Давай так. Сначала я тебя немножко поспрашиваю, а ты отвечай. Только честно...

– Я всегда говорю правду! Честь рыцаря...

– Ну, вот и ладушки.

– Но если ты будешь сподвигать меня отринуть веру святую или задавать вопросы недостойные...

– Не буду, не буду... Не переживай. Так вот, я тебя поспрашиваю, потом расскажу все... Но не то все, что знаю, а то все, что тебе знать положено... Кондратий, ты как? Понимаешь, о чем мы тут? Как у тебя с франкским?

– Отец Кондратий.

– Ой, да достал уже... Тут же все свои.

– Плохо у меня с франкским. Через два слова на третье разумею.

– Ну ка, подь сюды...

Епископ пододвинулся, и Володимир Ярович, поплевав на кулак, со всего размаху садал священника по лбу. Тот пошатнулся, но с табурета не свалился. Полбу мигнул. Бить святого отца? Пусть и еретика!!! А если бы в нос попал? Расквасил бы. Да за такое... Ад гарантирован! Еретических священников нужно исключительно вешать, не марая рук кровью. Так отец Сильвериус объяснял, и Константин прилежно запомнил.

– Тебе, Боромир, помочь не смогу, сам понимаешь...

– Понимаю. Я просто так посижу, погляжу. Очень уж я люблю смотреть на их лица, когда...

– Хорошо. Только не ржи слишком громко.

– Слишком – не буду.

– Кондратий, ну как? Дошла наука?

– Дошла, дошла... – Епископ потер лоб. – То ли я заматерел, то ли удар у тебя ослаб...

В прошлый раз, с японцем тем, больнее было.

– Могу повторить, – улыбнулся посадник.

– Не надо, – быстро, уже по-франкски, ответил слегка качающийся священник. – Наверное, просто японский сложнее воспринимается... Сэр Константин, позвольте представиться. Я епископ Бежецкой Пятини отец Кондратий. Церкви наши не в ладах, знаю, и вот-вот большая братоубийственная война начнется, тоже знаю... Скорблю по этому. Ведь во Христе все мы братья.

– Ты еретик и веришь во Христа неправильно! И не чтишь святой Марии!

– Чего это не чту? Очень даже чту. Богородица и в православии весьма уважаемая личность. Впрочем, сейчас не о ней, зачем дергать женщину по пустякам... Сейчас о вас, доблестный сэр. Так уж случилось, что теперь вам придется в православие перекреститься.

– Вы можете пытаться мое тело, но вам никогда не сломить мой дух! Грязные еретики!!!

Константин вскочил.

– Да сядь, успокойся... – посадник строго зыркнул на рыцаря, и тот плюхнулся на табурет, как марионетка, у которой обрезали веревочки. – Кондратий, ну зачем ты так, сразу, а? Вот учу тебя, учу... Подготовить человека сначала надо, растолковать... Лезешь сразу с самой больной темой.

– Ой, и правда, спаси Господи, чего это я... Наверное от науки твоей поплыл. Сэр Константин, вас никто заставлять не собирается. Вы сами все поймете и попроситесь.

– Ни за что!

– Так, Кондратий. Помолчи. Приди в себя. Не тирань несчастного.

– Молчу, молчу...

– Теперь с тобой, барон. Как я понял, читать ты не умеешь. Совсем. Но почему-то выбрал текстовые уведомления, а не голосовые. Почему?

– Откуда... Граф, откуда вы знаете о моем сне? – неожиданно для самого себя, Константин перешел с высокопоставленным еретиком на вы. Наверное, взгляд, который только что выбил рыцаря из колеи, так подействовал. Взгляд истинно благородного человека и сурового воина, скрывающегося под маской весельчака и балагура.

– Кабы ты знал, сколько я уже подобных тебе сновидцев встретил... – вздохнул Дымов. – И не сосчитать. Ну, тебе точно не сосчитать, учитывая специфику рыцарского образования.

Нет, это не оскорбление, и специфика – слово совсем не ругательное. Так что не агрись... Не злись то есть. Так почему?

– Голоса в голове, если они не божеские – бесовские! Третьего не дано. А голос сказал, что это не Господь будет вещать. Вот я и отказался.

– А голос женский был? Такой грудной, приятно-возбуждающий? И немного уставший?

– Да, все так.

Посадник покивал, будто что-то для себя понял.

– Ясно... Наверное, снова последний за смену у оператора загрузки... Потому и волосы даже в порядок не привела, этап корректировки внешности вообще пропустила. И на отъипись отправила куда попало. И даже религию фанатику сменить умудрилась, не изучив анкеты и личностных характеристик. Нужно подать заявку на служебное расследование и выяснить, кто там из девчонок так халатно стал к работе относиться.

Весь этот невнятный бред был сказан отцу Кондратию, тот качал головой, соглашаясь. А Константин ровным счетом ничего не понял, кроме того, что его обозвали фанатиком.

– Я не фанатик! Фанатики – слепцы, идущие за ложными пророками! А я – рыцарь Креста! Отец Сильвериус...

– Рыцарь Креста, ты не шуми. Ничего плохого в это слово я не вкладывал. Просто это сбой. Бывает такое. Иногда. По идее, ты должен был очнуться в каком-нибудь баронстве из соседних. А сейчас уже с кардиналом каким беседы вести. А то и с Папой.

– Самим Папой??? Иннокентием Третьим? – глаза Константина округлились.

– Ну это я так, к слову... А попал ты сюда. Ну, не ты первый и, думается, не последний. К сожалению... Хотя, вот так, чтобы без инструкции и не умеющего читать, без голосовых сообщений, да прямо в Жизнь... Такое первый раз. Всех Прибывших, кто читать не умеет оснащают ботом-инструктором говорящим... А у тебя он текст выдает. Который для тебя – только картинка непонятная.

– Я знаю, что такое буквы!

– О... Круто. Грац. Значит, начнем не с нуля.

– Что начнем?

– Читать учиться. И считать.

– Считать я умею! Вот. Раз, два, три, шесть, пять, шесть... или шесть уже было?

– Все, хватит. Ни хрена незачет. Для начала, давай ка я тебе пару-другую языков включу.

А то на совсем отсталом наречье общаемся...

– Я, кроме нормального человеческого, знаю еще латынь, греческий, галльский и арабский! И мы сейчас не на отсталом наречье, а на Великом Могучем Франкском языке разговариваем! Самом выразительном и лучшем во всем божием мире!

– Хм... Ладно, ладно... Беда в том, что франкский настолько могуч, что его постеснялись включать в список функциональных. Так же, как и галльский, к слову... Латынь и греческий знаешь досконально? Или так, в пределах общеобразовательно-рыцарского курса? Сто слов? В сумме?

Рыцарь хмуро пожал плечами...

– А что до арабского... Думается, все познания в нем сводятся к «Сдавайся!» и «Где зарыты деньги?». Я прав?

– Еще «Отдавай еду, презренный!»

– Великолепно! Ладно, Полбу, готовь лоб. Щас получишь по лбу.

– Благородные люди...

– Давай так. Я тебя ударю четыре раза. Потом ты меня. Если захочешь. Ты не сопротивляешься. Я тоже не буду. Идет?

– А зачем? Зачем это все???

– Ты так и хочешь недоразвитым дистрофиком остаться? Чтобы сквозняком сдувало, и мышшь могла загрызть? Нет? Тогда кончай разговорчики и подставляй лоб.

Вздыхнул Полбу и повиновался. И снова получил по лбу. Быструю, молниеносно быструю серию ударов. Бум-бум-бум. БУМ. «Теперь на четырех я больше никогда не собьюсь, – подумал Константин, лежа на деревянном полу горницы. – На всю жизнь запомнится это последнее БУМ».

– Живой? – склонился над ним посадник. – В глазах не темно? В ушах не звенит?

– Нет, граф, все нормально, слава Господу, – ответил рыцарь, и только теперь понял, что спросили его не на франкском. А на каком-то другом языке. И ответил он на нем же. – Я сам встану.

Барон проигнорировал протянутую посадником руку и примостился на табурет. Лоб после первого шока, вопреки ожиданиям, не болел и даже не горел. А напротив, казалось, ледяной компресс приложили... Впрочем, это ощущение проходило довольно быстро.

– Это небольшой тебе подарок. Новгородский, русский, английский и китайский. Китайский, видно, с трудом усваивается... Но это ничего, с непривычки, бывает, люди и косить начинают... А ты ничего, крепок на голову, не чета некоторым, – Дымов выразительно посмотрел на старосту и снова рассмеялся непонятно почему. Казалось, к нему вернулось прежнее хорошее настроение. Боромир, наоборот, помрачнел. Обиделся на что-то.

– Давай теперь поговорим на всех на них, для закрепления материала, так сказать. Расскажи о себе. Просто все, что вспомнишь и сочтешь нужным сказать. А я буду вопросы навешивать. Я смотрю, ты как-то напрягся весь. Четыре удара свои никак использовать решил?

– Нет, граф. Я понимаю, вы меня не били, просто в голове, мозгу на нужное место повернули. Как-то вы это умеете... Видно, человек вы божий, раз вам такая способность полезная дадена. Хоть и еретик паршивый, тут однозначно. – Новгородская речь вперемешку с русскими словами совершенно без всякого напряжения текла из Константина журчащим ручьем. К слову, эта самая речь, отличается от привычного нам русского, как маньчжурский от китайского.

– То есть рукоприкладство отменяется? – усмехнулся посадник.

– Напротив, граф, я вам весьма признателен и благодарен. В качестве ответной любезности, во время нашего смертельного поединка чести я буду сражаться левой рукой.

– Благородно! – расхохотался Дымов. – Ну, учитывая, что это еще далеко не все, и по лбу ты от меня получишь еще не единожды... Придется тебе сражаться левым яичком. Все остальные части тела к тому времени будут в порядке ответной любезности исключены из боя... Ну, ладно, давай, рассказывай...

И Константин начал рассказывать...

8. Добро пожаловать в Жизнь!

Он говорил, отвечая на нечастые наводящие вопросы трех представителей местной знати. И вдруг понял, что переключается между языками совершенно свободно.

– А можно так по лбу получить, чтобы лошадиный язык понимать? – внезапно возник вопрос.

Посадник рассмеялся и сказал, что можно, но тогда все человеческие забудутся. И вода нужна какая-то специальная. Константин подумал и отказался. Отец Кондратий уточнил, что, с божьей помощью, рыцарь и сам обучиться сможет, если выберет какой-то непонятный подкласс. Что такое подкласс, Полбу не понял, и решил потом обязательно разобраться. Часто было так, что понимай он коня лучше, многих неприятностей не случилось бы. Например, зыбучие пески, где одиннадцать лет назад сгинули два его брата, можно было стороной обойти. Кони тогда упирались, не хотели напрямки... А люди настояли. Чуть ли не третья часть отряда пропала ни за что.

Боромир, помимо новгородского, почему-то знал еще и китайский, чего по внешнему виду ну никак не скажешь. И шпарил на нем, как на родном.

Епископ, предпочитал новгородский, а Володимир – русский. Зачем нужен был английский, оставалось загадкой. Может нарочно, дабы запутать рыцаря. Володимир только пару другую вопросов на нем задал и махнул рукой, мол, сойдет, хотя над произношением стоит поработать.

Часа через два, когда Константин уже был выжат как лимон, посадник, наконец, удовлетворился.

– Все. Хватит. Прижились языки. Теперь моя очередь... Но для начала... Кондратий... Ну, ладно, ладно, отец Кондратий... Хочешь, буду тебя Благочинным называть или вообще Владыкой? Вот ты вредный. Благослови-ка его... Да не жадничай, бафай по полной... Я свечку пудовую поставлю, с лихвой тебе омки вернутся... А ты, рыцарь, не дергайся. Оно тебе во благо будет.

Владыка, то ли доволен, то ли досадливо поморщился, от чего его короткая борода смешно встопорщилась. И забормотал по-гречески. Потом широко перекрестил Константина, и...

Неизвестно откуда взявшийся золотой свет, с летающими по спирали ярко мерцающими крестами, пролился на рыцаря... Ему стало так хорошо, так тепло, как тогда... В далеком детстве... Когда он двухлетним карапузом сидел на коленях у мамы играя с недавно родившимся котенком, а в камине ярко пылал огонь... Послышалось пение ангелов, а сквозь тьму столетий, казалось, своему крестоносцу ласково подмигнул сам Создатель.

Свет отступил, но тепло, ясность мысли и легкость движений остались. «От скованности и неуклюжести тела нет и следа», – осознал вдруг Константин. Посмотрел на епископа и понял, что еще вот чуть-чуть, и упадет перед ним на колени, прося прощения за то, что считал этого святого человека еретиком, и умоляя перекрестить в православие. Помотал головой. Встал. Прошелся по горнице. Поднял тяжелый дубовый табурет, подержал на вытянутой руке. Сила вернулась!!! Он больше не оступается, не роняет вещи. Подпрыгнул, уцепился за потолочную балку, несколько раз подтянулся... Господи Иисусе! Слава в веках! Аллилуйя!!!

– Еще как, аллилуйя, – подтвердил Дымов. Последние слова, как оказалось, рыцарь уже выкрикивал.

– Вы – святые??? А почему здесь? В этой... глуши??? Почему не при Папском дворе? Не в Ватикане??? Неужели... неужели католицизм – неправильная религия? Неужели еретики мы, а не вы???

От уймы новых вопросов у рыцаря закружилась голова, они посыпались градом, и впервые в его жизни пошатнулась вера... Нет, не в Господа, она то еще больше укрепилась. Вера в то, что жил он правильно, следуя советам святых отцов-католиков. В истинность толкования ими Писания. Может, нужно идти по пути православия? Может, именно этот путь быстрее приведет к Богу? Может...

– Сложный вопрос, – ответил Кондратий. – Пожалуй, что и верного ответа на него нет. Вы, барон, присядьте, успеете напрыгаться еще... Поешьте, вам это сейчас необходимо. Молитва моя временно придала вам сил, как физических, так и умственных. А сила требует энергии. Белая полоска, поди, почти совсем пуста?

– Работа, – усмехнулся посадник. – Работа требует энергии. А сила сама по себе ничего не требует, нет у нее ума. Она лишь инструмент, который...

Дымов еще продолжал что-то говорить, но Константин не особо вслушивался. Он почувствовал, что и вправду ужасно голоден. Так вот в чем дело. Белая полосочка – его сила. Или энергия... Не важно... И, стало быть, можно наполнить ее покусав?

И правда, чем больше он ел, тем скорее восстанавливалась полоска. Жуя, слушал, стараясь не перебивать, графа. Но не всегда получалось сдержаться.

– Прежде всего, запомни. Первое правило нашего Клуба – никому не говорить о нашем Клубе. Мы – избранные. Защитники человечества и человечности. Хранители Миров. Помощники Господа. Порой, наши методы не очень лицеприятны, но каждый из членов клуба сам выбирает путь. И следует велению собственного сердца.

– Я следую заветам рыцарской чести и иду путем воинства Христова!

– Да ради бога. Так вот, таких, как ты и Боромир, и отчасти я с Кондратием, совсем мало. Может, один на десять тысяч. Может, меньше. Прочие люди – черные люди. Черные – не значит негры. Не значит – злые или грязные. Они не хуже и не плохие. Просто другие. Они не воспринимают, не осознают реалий Жизни так же, как ты не осознавал их еще совсем недавно. Но ты не был одним из черных, ведь ты жил в ином мире. В том, который тебе предстоит защищать... Кроме того, помимо нашего Клуба, есть еще как минимум два.

– Католики и мавры? Я сам католик!

– Нет, религия тут совершенно ни при чём. Как и территориальность. Князь Новгородский Святослав Всеволодович и Папа Иннокентий Третий – оба в нашем клубе состоят. Да и Дандоло. И многие еще. Даже сатанисты, – Кондратий при упоминании этого слова перекрестился, а Константин яростно стукнул кулаком по столу. – Да-да, представь себе. Тоже в Клубе встречаются. И язычники. И буддисты. И верующие в такую экзотику, о которой ты и слыхом не слыхивал. Например, верующие в божественность двухголовых пернатых змеев. Или в толстых женщин ну о-о-очень преклонного возраста.

– Это мерзость пред ликом Господа!

– Ну, они считают, что мерзость – молиться на деревянную фигурку истекающего кровью на кресте человека. На внезапно забеременевшую девственницу. Ну, или на нарисованных бородатых дядек с крыльями, – Володимир Ярович подмигнул отцу Кондратию, но тот на провокацию не поддался.

– Граф, я прошу воздержаться от дальнейших острот по поводу Святого Распятъя, девы Марии и прочих аспектов веры! – слово «аспект» вырвалось из уст барона само. И он ненадолго завис, пытаясь осознать, что оно значит и откуда взялось. – Иначе, нам придется драться прямо сейчас!

– Ладно, ладно... Далее. Члены клуба порой дерутся промеж собой. Иногда насмерть. Затевают войны. Членство в клубе не обязывает почти ни к чему. Кроме одного. Раз в год, в день летнего солнцестояния происходит Жеребьевка. И выбирается Защитник. Иногда один, иногда несколько... Защитники, наравне с представителями других клубов, отправляются на

Битву Миров. Там выясняется, достоин ли его мир, тот мир, из которого он пришел в Жизнь, дальнейшего существования. Такое происходит каждый год.

– Битва Миров? Нужно собрать сильную армию рыцарей, вооружить крестьян...

– Нет, битва происходит по другим правилам. Это скорее турнир. И именно к нему готовятся все члены нашего Клуба. И других клубов тоже. Этот мир – тренировочная площадка...

– Что значит ЭТОТ? Мы что не в мире божием??? Не в настоящем мире???

– Еще в каком настоящем! Этот мир, мир истинной Жизни, гораздо настоящей многих прочих... Вот, например, твой... Тот, из которого ты сюда попал. Чувствуешь отличья?

– Циферки... картинки...

– Это функционал, и все. Я имею ввиду именно чувства. Восприятие реальности. Бытие. Данное тебе в ощущениях, так сказать. Ветер, голод, запах, ярость, усталость, благодарность... Практически все миры, окружающие Жизнь – ее тени. И мало кому удастся выйти из Теней в настоящую Жизнь. Тебе – повезло. Скоро, очень скоро, ты начнешь Жить самостоятельно. Не существовать, как ранее. А жить. Здесь ты многому научишься, усвоишь, отточишь навыки... И рано или поздно – сразишься за свой мир. Тот, из которого вышел. Победишь, поток Жизненной энергии наполнит его, и твой мир обретет самодостаточность. Станет настоящим. Не захочешь или не сможешь – растворится он в темном ничто. Будто и не было.

– Я готов! Только мне нужен доспех, копье...

– Ага, и лошадь, знаю... Нет, далеко не готов ты, мой юный падаван... Это значит внимательно слушающий и не перебивающий старших человек. Сядь уже, рыцарь вскакивающего образа.

– Все то, что вы говорите, граф... Все это – ересь! Даже не отступничество, а просто... просто...

– Это реальность, барон. Суровая, но прекрасная. Как я уже говорил – данная в ощущениях. Потому я и попросил отца Кондратия благословить тебя ДО разговора. Чтобы ты увидел, почувствовал, следовательно, скорее понял и принял. Много из того, что в других мирах – лишь домыслы, сказки, легенды или бред умалишенных – вполне себе существует в Жизни. Ты даже сам того не понимая, изменился УЖЕ. Этот разговор был невозможен еще пару часов назад просто потому, что многих слов и понятий, используемых нами, нет ни в греческом, ни в латыни. Не говоря уже о франкском и галльском.

– Я – все еще я!

– Ты и останешься собой. Даже если решишь принять православие или сделаешь обрезание... Ой, да хватит вскакивать, никто тебя насильно заставлять не будет. Просто, ты заметил, что наш Владыка тебе Вы говорит? Нет, не обратил внимания? Это не из-за глубочайшего уважения, и уж точно не из-за желания подольститься. Он подчеркивает отчужденность. Так уж вышло, что здесь, в этой местности, все члены клуба – условно православные. Почему условно? Потому что многие со своими собственными закидонами, никак не вписывающимися в догмы святой веры христовой. Но все равно – православные. Земля за двести лет уже пропиталась святой верой, хотя и языческие боги пока сильны.

– Я искореню язычество мечом, огнем и словом Господним! Дайте...

– Копье и коня. Знаю уже. Искореняй, кто тебе запрещает? Но имей в виду, сама Земля будет мешать тебе. А примешь православие – поможет. Впрочем, ты можешь просто домой отправиться, на земли католические, там, напротив, вера православная мешать будет. Так-то.

– Наши священники тоже могут... так... как отец Кондратий? Благословлять?

– Не все. Только члены клуба. Члены прочих клубов – нет. Они только своих. А черные люди, будь они даже трижды попами, и хоть с крестом, хоть с бубном псалмы сутками петь будут – лишь наврать смогут, что якобы благословили. Без всяких эффектов, кроме разве что развития собственных легких и вокальных данных. Ну да, это опять же только вас, игроков,

касается. А вот черных людей вполне могут и воодушевить. Но это уже на уровне веры и подсознания работа.

– А что за клуб такой? И если я не хочу в него? Не хочу в общество, где буду наравне с погаными язычниками и проклятыми слугителями тьмы!

– Клуб... Ну... Считай, что его нет. Название я тебе все равно пока не скажу, и чем он отличается от двух прочих ты, опять-таки, не поймешь. И не заморачивайся. Просто имей в виду, некоторые Прибывшие могут стать твоими союзниками, а то и друзьями, даже несмотря на веру и внешность. Другие – хоть и будут похожи во всем – лишь врагами.

В сознании Константина всплыло случайно оброненное Володимиром Яровичем слово.

– А что значит Игрок?

– Ха, это самое интересное! Вот я и Кондратий – хоть и члены Клуба, но местные. Мы в самой Игре участия не принимаем. Так же, как и в финальной жеребьевке. А Боромир – из ваших, из Прибывших. Только вот проворонил он в свое время Жеребьевку, профукал. Большой части способностей и особенностей игрока лишился. Остался тут. Уже особо не напрягаясь, живет лет тридцать. Разбойничал поначалу. Потом в Новгороде прижился, остепенился... А мир его погиб.

– Соболезную, барон, – Константин слегка склонил голову.

– Да, ну его, – махнул рукой седобородый. – Не жалко. Китайская Технократия с примесью Постапокалипсиса. Все детство-отрочество оттуда в Средиземье хотел сбежать аки в Рай с геенны огненной. А туточки почти оно.

После этих слов зарождающееся было уважение к старосте Константин потерял абсолютно. Мало того, что сбежал, хоть и неясно откуда, куда и почему. Так еще и разбойник. И в гибели мира повинен. Но самое главное – остановился на полпути. Не подобает рыцарю, а тем более барону, спокойно почивать, не завершив начатого. Хотел в Средиземье, так и нужно было туда стремиться, пусть и за тридевятью земель оно. А не оседать в каком-то Новгороде. Нет, это поведение совершенно недостойное рыцаря и дворянина. Пусть и язычника.

– Ну вот... Игроки. Игроки – это те Прибывшие, которые еще ждут участия в Жеребьевке. Свершают подвиги. Совершенствуются. Обзаводятся верными друзьями и смертельными врагами. Не щадя жизни своих, идут к поставленной цели. Впитывают Жизнь, живут полной Жизнью, дарят Жизнь, отбирают Жизнь, защищают Жизнь.

– Это все – деяния, достойные рыцаря! Я согласен стать Игроком! Защитить свой мир, помочь ему наполниться божественной силой Жизни!

Посадник в очередной раз громогласно рассмеялся.

– Да тебя, свет мой рыцарь, никто и не спрашивает! Ты уже почти сутки как Игрок. Кривой правда, но на твоём уровне это дело поправимое. Вон, даже простое благо, и то как помогло... А, вообще, девчонки из загрузки совсем страх потеряли. Первичный инструктаж обязаны были прове...

Глаза Володимира Яровича вдруг остекленели, он замер на середине слова. Отец Кондратий, до того с удовольствием пьющий квас из огромного кубка, тоже будто окаменел. Пенный ароматный напиток потек по бороде, рукам, распытью, рясе...

Боромир вскочил.

– Опять! Опять началось! Бежим!!!

– Честь рыцаря...

– Да бежим, малахольный! Ничего с ними не случится, отмерзнут!!! А нам кранты будут, если не спрячемся!!! Скорее!!!

– Я рыцарь! Дай мне меч я встречу опасность грудью!

– Это колдовство! Злое, поганое! Меч тут не помощник!

– Вера моя неколебима и молитва святая...

– Времени нет! Я все объясню! Но не сейчас, быстро за мной! Считай, у нас тактическое отступление в целях дезориентации противника! Перегруппируемся, и сокрушим! Быстро, быстро!!! За мной!

9. Настоящий герой

Посреди белого дня на мир опускалась Тьма.

Боромир опрометью неся в центр селения, Константин еле поспевал за шустрым стариканом. По дороге им попадались селяне, домашние животные и мелкая живность, вроде воробьев. Все замершие посредине какого-то действия-движения, будто новомодные, авангардные мимы, ставшие совсем недавно популярными на родине рыцаря. Даже те самые воробьи висели в воздухе, не маша крыльями, но почему-то не падая. «Не может такого быть, чтоб лететь и крыльями не махать», – мелькнуло в голове барона.

Слышался странный треск, шуршание и скрежет, тело рыцаря будто кололи ледяными иглами. Темп бега, задаваемый старостой, все нарастал. Сумерки сгущались, уже было сложно разобрать дорогу.

Наконец, Константин понял, куда они бегут. В церковь. Небольшую деревянную церковь, увенчанную блестящим куполом, почти как у минарета. Но с крестом. Восьмиконечным.

Боромир, не снижая скорости, влетел в гостеприимно распахнутые двери. А Константин еле успел перед ними затормозить.

– Внутри! – заорал староста. – Скорей! Пропадешь!

Рыцарь подбоченился. Гордым взглядом презрительно окинул трусливого седовласого игрока.

– В это еретическое гнездо отступничества я не пойду. Я не боюсь смерти, я боюсь запятнать свою душу. Крест святой...

С громким ревом Боромир неожиданно резво выпрыгнул во двор, в полсекунды скрутил рыцаря и кулем швырнул внутрь. Прыгнул следом. И почти успел. Почти.

Тьма сгустилась и пролилась с неба кипящей смолой, окатила не успевшие влететь в церковь лапти на ногах старосты. Он с воем плюхнулся на пол, по инерции прокатился к алтарю, и уже там потерял сознание.

Константин, едва придя в себя от шока, вызванного неадекватным поведением Боромира, бросился было на того с кулаками, но... Увидел голые кости с расплзающимися остатками плоти вместо ног старосты и передумал его бить. И лапти (он наконец узнал название деревянной обуви), и штаны, и кожа, и мясо, все исчезло... Лишь торчащие из дымящихся чуть ниже колен обрубков кости... Хотел было перекреститься, но не решился в православной церкви креститься по-католически. А по-православному... Нет. Нет. Пока нет. Не имеет он на это права.

В очередной раз изменил Полбу отношение к седобородому герою. Осмотрелся. Осторожно выплянул наружу.

От тьмы снаружи не осталось и следа. Ходили люди, носились куры, летали те самые воробьи... Будто и не было ничего, будто и не заметил никто сгустившейся, растворившей ноги Боромира тьмы. Скрежета и шепота не слышалось. Слышалось далекое мычание коров и шелест крон деревьев. А еще, громкое сопение и стоны покалеченного, но быстро приходящего в себя игрока.

– Барон, позвольте мне выразить свое...

– Оооой... ты того... слушай... ооо... беги в дом... там в сенях – короб... как бо-о-о-ольно-то... в коробе... возьми-и-и... – и староста снова отключился. Плоть все еще сползала с костей, если изначально она была растворена ниже колен, теперь поражение обнажило уже и суставы.

Рыцарь не мог бросить в беде своего отважного спасителя. Ведь Полбу теперь, как ни крути, обязан Боромиру жизнью. А может и чем посерьезней, ведь всем известно, что смерть от колдовства калечит душу. А это долг чести. И барон со всех ног полетел к дому старосты.

Селяне отпрыгивали с пути бегущего взъерошенного человека и удивленно смотрели вслед. Вот и дом. Сени... Так, сени... Что такое – сени? Господи, надоумь!

Ну ладно, вот сундук, наверное, он же – короб.

Замка нет. Константин откинул крышку... Доспехи. Да какие!!! Красота! Ну, навряд ли они вот прямо сейчас старосте понадобились. Что еще? Топор в чехле. Еще топор. Меч в ножнах. Пояс с нашитыми кошельками. Коробочка блестящая, лаковая. В коробочке... Кольца, серьги, браслеты... Наверное, семейные драгоценности баронского рода. Хотя какого рода, если Боромир в нем первый, судя по словам посадника?

Кстати! Дымов! Отец Кондратий!

Константин бросился в горницу... И граф, и епископ – все еще в тех же самых позах, с остекленевшими глазами, так же неподвижны... Дева Мария!!! Да что же это такое? Что за колдовство??? Ведь крестьяне ходят как ни в чем не бывало, своими делами занимаются. А два человека, которые только и могут разъяснить, помочь найти нужное нечто – аки статуи.

Из сеней раздался негромкий стук и позвякивание.

Рыцарь бросился назад. Воры? Мародеры?

В коробе, прямо на панцире, стояла бутылочка дорогого прозрачного стекла. Сама такая бутылочка, даже если пустая, стоит фунтов десять серебра, не меньше, почему-то подумал Полбу. А в ней – почти три четверти светящейся, как закатное солнце, жидкости. Что это??? Не иначе – мирра!

А рядом... Рядом с бутылочкой... Полбу помотал головой. Рядом с ней стоит маленький, размером с обычную мышь, человечек. Без бороды, зато с усами. Улыбается и тыкает в бутылочку крохотным пальчиком.

– Господи Иисусе! – Константин проморгался и по-католически, слева направо, перекрестил человечка. Тот показал язык и молча юркнул в какую-то щель. Что это было? Вернее – кто? Но, по крайней мере, понятно, если мелкое наваждение не обмануло, зачем староста его послал. Лекарство. Схватил рыцарь бутылочку и побежал к умирающему. Вернее, растворяющемуся.

«Только бы успеть, – стучало в висках, – только бы...»

Без малейших сомнений заскочил в церквушку... Оттолкнул стоящего на коленях около старосты чернеца. И задумался. Что делать? На ноги лить? Или в рот?

– Что с этим делать??? – выкрикнул он, потрясая бутылочкой перед носом испуганного монаха. – Как лечить!?

– Н... не... не знаю... Что эт-то?

Полбу зарычал. Растворение добралось уже почти до пояса Боромира, обнажились берцовые кости. Зубами выдернул затычку и, громко читая «Отче наш», стал тоненькой струйкой поливать дымящиеся культи. «Вроде, верно», – пронеслось в голове. Дым и смрад почти исчезли. Растворение прекратилось. Но кости обрастать мясом не желали.

– Читай! – заорал он священнику. – Православные свои молитвы читай! Давай!

– Дык рано еще отпевать, – отпрянул тот. – Дышит ведь...

– Какое отпевать!!! Я тебе дам отпевать! Я тебя сейчас сам так отпою! Во здравие или что тут у вас, отступников, положено, читай! Матерь Божью призови! Делай хоть что-то, не сиди!

Чернец затянул что-то заунывное, бухнулся на колени, и, мелко крестясь, стал бить поклоны, время от времени косясь на грозного незнакомца с пушистой топорщащейся бородой.

Полбу с трудом разжал челюсти своего спасителя и влил остатки светящейся, пахнущей медом и вином жидкости. «Будь что будет», – подумал он и без сил привалился к алтарю.

Дьяк еще не кончил молиться, а староста открыл глаза, закашлялся и застонал. Провел руками по телу, будто проверяя его наличие и целостность... Наткнулся на голые кости ног. С интересом рассмотрел.

Рыцарь опасался, что сейчас со старостой случится истерика. Еще бы, человек ведь калекой сделался. Но тот лишь грустно покачал головой.

– Вот видишь... – сказал он Константину. – А не дурил бы – этого бы не было.

– Барон, – прочувствованно ответил Полбу. – Ваше мужество и самоотверженность, данные, несомненно, Господом нашим, спасли неразумного. От страшной и как видно мучительной смерти. А может чего и похуже смерти... Я в вечном и неоплатном долгу перед вами. Вы – истинный рыцарь и герой! На коленях прошу вас, простите меня за сомнения и подозрения в трусости. – Полбу рухнул на одно колено и преданно уставился на старосту. – Скажите, барон, чем я могу помочь вам? Быть может, есть еще какое чудодейственное лекарство? Я найду его и принесу! Такие люди как вы – соль земли! И я искренне прошу вас отныне считать меня своим должником и другом!

– Ой, да ладно... – казалось, староста покраснел под бородой. Но было видно, что слова рыцаря ему приятны. – Не горюй. Поправлюсь я. И не такое заживало. Вот посижу здесь чуточку да оклемаюсь.

– Как? – изумился рыцарь. Не может быть! На своем веку он насмотрелся немало ран. Видел и переломы, и ожоги, и содранную с костей плоть... И мог с уверенностью сказать, что такие раны как у старосты – не заживают. Божье чудо, что он вообще выжил. Да и сидит, разговаривает, будто и не умирал еще несколько минут назад. Что же в той бутылочке было? Может слезы Христовы?

– Знаешь что, рыцарь... Давай-ка, пока мы тут сидим, а наши начальники не отмерзли, я сам тебе расскажу, куда ты попал, что здесь происходит и как теперь жить будешь, – внезапно переключился Боромир. – А то Дымов, конечно, все так говорил, все верно... Но, как всегда, с конца начал... Эй, Филька! – гаркнул он на чернеца. – А ты чего уши развесил? А ну марш отседова!

10. Азы

– Значит так, Костя... Ты глазами не сверкай, я могу тебя Костей называть. Ты мне во внуки годишься, да и сам сказал – друг мне. А Костя – тот же Константин, только ласково, по-свойски... Ты меня главное не перебивай, я и сам собоюсь. Просто слушай.

Рыцарь кивнул. Он и не думал обижаться на седовласого героя. Да, Боромир имеет право звать его Костей. Имеет право. Всплыло в сознании Костян, Костик, Костелло... Нет, пожалуй, такой фамильярности даже среди друзей допускать нельзя. Но Костя... Почему бы и нет? Да и больно, наверное, вон, снова побледнел и через слово зубами скрипит. Просто, видно, отвлечься нужно старосте от култышек своих. Выговориться.

– Начну с главного. Для тебя. И это не жеребьевка, и даже не то, что мир этот создан не Богом, а людьми... Да-да, людьми, просил ведь не перебивать. Об этом после. Главное то, что ты теперь почти бессмертен. Не перебивай говорю! Как и я. Как и все игроки. Хотя я уже... Но нас очень мало, и как раз из-за этого самого «почти». Ты думаешь я от жеребьевки просто так отказался? Нет, Костя, я сознательно пожертвовал своим миром, дабы дать шанс другому, лучшему... Каждый сам для себя решает... И то было мое решение, осознанное и, уверен, правильное.

– Так в этом мире нет Бога? Но сила креста...

– Почему нет? Есть. Еще как есть, даже больше, чем во многих других. Но мы опять о глобальном, давай о тебе сначала. Ты сейчас слаб. Очень. Вот слезет благо, что на тебя Кондрат накинул и все. Снова ветром сдувать начнет. А все почему? Во-первых, ты первого уровня... А, ну да, за квест по поиску священника ахнул... Ну, тогда второго. Уже что-то. А во-вторых, ты как очки при создании персонажа раскидал?

– А... Очки... Пять их было, все в первую строчку.

– Хэх... Ну, конечно, так я и думал. Силушка это. Силушка, конечно, нужна воину, но... Вот если бы ты читать умел, или оператор твой чуть менее безответственна была – понял бы... Ну, да ладно, попросим потом Яровича науку тебе преподать. А пока так. Открой окно характеристик.

– Ч... Чего открыть?

– Понятно... У правого глаза, там, где бровь, есть картинка человечка с расставленными руками-ногами?

– Есть.

– Нажми ее... Посмотри на нее и захоти, чтобы она развернулась.

– Пресвятая Матерь Божья!!! Я теперь ничего не вижу! Только буквы да строки!

– Все верно, сейчас твои очки вложим. Значит смотри, первая строчка сверху – твой уровень. Там двойка? В конце двойка?

– Двойка, арабская, нечистая.

– Чего это нечистая-то? А, ну да... Ладно. Хорошо хоть цифры знаешь, а по строчкам я тебе сейчас объясню. То, что ты видишь, называется меню характеристик. Вообще самое важное, то, что отличает нас от черных людей. У местных, тех, кого посадник членами клуба обзывает, а мы, игроки – неписями, такое меню тоже есть. Только урезанное, неполное. Теперь, вторая строчка. Там должна быть тройка.

– Да, тоже арабская загогулина.

– Эта загогулина – количество твоих жизней. Ты...

– Жизней? Как у кошки?

– Ну у кошек их девять. А у тебя всего три. Пока что. Жизни можно прибавлять, это одно из любимых занятий игроков. Дополнительные жизни отыскивать. А можно и за первый день все потерять. И умереть навсегда, окончательно.

– То есть как? Вы, барон, сказали, что я бессмертен!

– Почти. Убить тебя можно. И это будет больно, уж поверь. Но ты воскреснешь.

– Аки Спаситель???

– Аки, аки... Три раза. Но на четвертый – уже нет. Все, крышка. Если, конечно, дополнительных жизней не найдешь.

– А у вас, барон, сколько жизней в запасе? Дополнительных?

Боромир пристально и слегка грустно посмотрел на рыцаря.

– Нисколько. Последняя это. Единственная. Я ведь от жеребьевки отказался. И теперь я почти как черный живу. Функционал мой порезан, хотя набитые ранее статы и умения освоенные никто не отобрал. Но новых жизней и нового уровня мне более не светит... – староста глубоко вздохнул.

И рыцарь зауважал седобородого героя еще сильнее.

– Так вот, – преувеличенно бодро продолжил староста. – следующая строчка, и пять за ней, те, что помельче, уже твои очки. В первой пятерка? Вот, это свободные, доступные для распределения. Ты их получил, когда второй уровень поднял. Очки эти очень важны, и относиться к ним нужно сурьёзно. А то снова абы куда раскидаешь, и ничего путного из тебя не выйдет. Получить их можно как апнувшись, так и другими способами.

– И что с ними делать?

– погоди, до этого дойдем. Так вот... Получить... Есть эликсиры. Есть свитки. Есть предметы разные. Задания. В общем много способов их получить. Для тебя эти очки – важнее всего на свете, кроме количества жизней...

– Для меня важнее всего вера, душа и честь!

– О-хо-хонюшки, ну что с тобой будешь-то делать, а? Ты, Костя, пойми... Мы сейчас говорим о тех инструментах, которые тебе выжить помогут. Стать истинным героем и сильным игроком. У тебя – все задатки... Воля, дух... А очки эти и жизни – ну, на вроде доспеха или оружия хорошего. Инструмент. Без них ты, хоть трижды помолился перед боем, в сече будешь слаб. Так ведь?

– Длань господня отведет смерть! И направит кулак возмездия...

– Кулак, ага... Зачем Господа по пустякам дергать? Лучше одеть броню понадежней да меч взять поострее. Так? А помощь свыше... На Бога надейся, но сам не плошай. А Он и поможет скорее тому, кто сам себе не враг.

– Во истину ваши слова несут свет мудрости, барон. Вижу седины ваши – признак великого ума, а не обычной старости и угасания рассудка. Я весь внимание.

– Это хорошо, это правильно... Так вот, следующая строчка – сила. Силушка твоя богатая. Там у тебя тоже пятерка, верно?

– Воистину. Потом крест святой и еще пятерка.

– Сама по себе сила – ничего не дает. Она – основной показатель воина, на нее много чего... да почти все завязано... Но она лишь корректирует прочие показатели. И требуется для... Многого. А вот с прочими статами у тебя беда, как я понял. Нужно было... Хотя ладно, какая разница, как было нужно, важнее то, как нужно будет. Крест этот плюсом зовется. Во всех строках, помимо силы, у тебя сейчас нули... это такие кругляшки. Есть кругляшки? Хорошо... Вернее плохо, конечно. Потом – плюсы. И пятерки. Эти пятерки – благо, что на тебя Кондрат набросил. Пожадничал, надо сказать, мог и лучше... Так вот... Благодаря этому вот благословиению и родной пятерке в Силушке ты сейчас чуточку сильнее рядового черного. Почему? Потому что вторая твоя строчка – Закалка. Она на количество жизненных сил влияет, на возможность что-то поднять и в руках держать не роняя. И корректируется на Силушку, когда ты этим чем-то машешь с целью по лбу кого стукнуть. Сила удара зависит от силушки и закалки. То, насколько тяжелым ты оружием можешь пользоваться – тоже. Какие доспехи одеть сможешь... И многие умения на эту связку прилеплены.

– Стало быть, мне свободные очки во вторую строчку записать? Я это, уже умею, с Божьей помощью, я это быстро...

– Не спеши! Стой! Не успел еще напортачить? Слава, тебе Господи... Дослушай сначала... Следующая строчка – ловкачество. Тоже очень важная характеристика. Тоже и с силушкой, и с закалкой в комплекте работать должна. Не будет ее – хоть полчаса топором махай – даже по сараю не попадешь. Разве, что случайно, если именно в него целиться не будешь. Скорее по лбу, себе же заедешь. Также она на бодрость твою влияет. Белая полосочка которая, видишь? А красная, забыл сказать, это жизнь, как раз. Ловкачество нам улучшает скорость бега, скорость ударов, прыжки и многое еще... Воину без нее никуда. Потому ты ронял все, и падал, что был у тебя в ловкачестве круглый ноль.

– Значит, нужно...

– погоди. Пока просто запоминай. Выводы после сделаем. Мне все равно из церкви до утра выходить нельзя, здесь место святое, намоленное, ноги тут в сто раз скорее заживут. Так что разговор наш будет длинным, до вечера... А вечером, пойдешь на задание. За ночь как раз справишься, а к заре, глядишь, и посадник с епископом отмерзнут. И снова тебя... хм... бафнут... не люблю этого слова. Благословит тебя Кондрат, в общем.

– Какое задание?

– Потом выберем, тут их тьма... Много, в смысле. Какие-то, даже я могу выдать. Но для начала ты должен понимать, чего ты сейчас стоишь и к чему стремиться.

– К Богу! К подвигам и славе!

– Опа ты он за свое... Ладно, смелый рыцарь, слухай далее...

Следующей в списке характеристик шла Духовность. Она закрепляла эффекты, даваемые Закалкой, и косвенно корректировала влияние ловкачества и силушки на различные действия. Но самое главное – духовность позволяла осваивать и использовать различные умения. От боевых, до... на этом слове крестоносца передернуло, до магических. «На нее – синяя полосочка ориентирована», – предположил умный рыцарь. Боромир подтвердил и похвалил за догадливость.

– И последний, пятый пункт. Самый важный, – сказал староста. – Успешность. Любое действие, будь оно простое, вроде ложку с едой в рот сунуть, или сложное – типа призвания на помощь пресвятой девы Марии, может просто не получиться, потому что не судьба. И вот, Успешность позволяет вероятность достижения нужного результата поднять в разы. Вообще, – сказал староста, – если успешность раскачать неимоверно, можно всю жизнь на печке просидеть. А все само делаться будет, что тебе надобно. Так-то.

– Ну вот, – Боромир улыбнулся. – На этой странице все, а дальше текст идет... Текст – это когда много буковок сразу, да. Ты его не пугайся, лучше со временем грамоту подучи, да читай почаще... Там описание всех твоих умений, способностей, направленностей... Стрелочку справа, под характеристиками видишь? Жми. Вот, в первой строчке написано: «Раса: человек»... Дальше «Воин». Вероисповедание. Ну, все объяснять я не буду, не запомнишь, только запутаешься. Потом умения. Они и сами могут подниматься, если в чем тренироваться будешь регулярно, и учителя помогут, коли найдешь нужного. Но дабы все понять и освоить – первое дело – грамотность.

«Вот те на, – подумал Константин. – Всю жизнь обходился, и тут, вдруг, первое дело». О чем и сказал старосте.

– То было, но прошло. Конечно, можно и сейчас обойтись. И жить вполне себе припеваючи. Но истинной силы не достичь тебе. И потенциала своего громадного не раскрыть. Но то дело будущего, сейчас расскажу о том, что тебя окружает. И о тех. Вот, видишь у меня над головой надпись? Какого она цвета?

– Белого.

– Вот. А у прочих селян?

– Зеленые. Но у графа и епископа – желтые были.

– Верно. Так ты можешь определить с первого взгляда: игрок, непись перед тобой, или черный человек.

– А в чем разница то?

– Да все люди... Я вот разницы не делаю. А кому-то важно... Ну и в некоторых случаях полезно всё-таки знать.

– А почему «черные», если надписи зеленые?

– Потому что настоящие Зеленые тоже черными бывают... И игроками, и неписями.

– Пресвятая Дева! А кто тогда «зеленые»?

Боромир сквозь силу рассмеялся, было видно, что разговор начал его утомлять. «Верно, отдохнуть ему требуется», – подумал барон. – Кости-то, вон, кожей медленно, но покрываются, и под ней что-то шевелится, вроде черви ползают».

– Нет, не черви, – ответил на вопрос староста. – Кровь туда стремится и мясо нарастает. Больно, но уже не так сильно, как было. Просто устал.

– Тогда может я...

– Сиди уж... Не гоже посредине разговор такой важности прерывать. Вот скажу все, что задумал, очки твои раскидаем, тогда и пойдешь... Так вот, Зеленые – это, как сказал бы Дымов, члены другого клуба. А мы – Светлые, стало быть.

– Светлые? Конечно, вера Христова, только светла!

– Среди Зеленых тоже христиан изрядно. Но ты о них сейчас не беспокойся, не водятся они в этом захолустье... Вот в Новгороде – да, встречаются. А здесь нет.

– А третьи? Третий клуб? Темные? Фиолетовые? Голубые?

Боромир внезапно, совершенно не подобающе для находящегося в церкви, да и вообще хворого, заржал.

– Голубые, ну надо же!!! Ой, не могу! – смеялся он долго, утирая выступившие слезы, а Константин не мог понять, обижаться ему или нет. – Ой, уморил... Но ты почти угадал, Костя... Лазурные. Лазурные они, но, думаю, голубые – самое верное будет название.

– А в чем разница между клубами-то? Никак понять не могу.

– Да нету разницы. Просто у них свои – у нас свой. Условное деление. Кому в какой повезет попасть. А так... Везде люди. Даже если и не люди.

– А кто?

– Тролли, гномы, альвы... Да много разных рас в этом мире существует. Вот, в твоём мире – только люди были, да?

– Да.

– А в некоторых мирах лишь гномы живут. В других – альвы. И потом, когда сюда попадают, скорее всего родную расу оставляют. Хотя бывает и меняют.

– Создания нечистого! – Полбу сурово сжал губы.

– Да ничего подобного. Обычные люди, только мелкие или ушастые. А так... И предать могут, и верным союзником стать, и все прочее, на что мы способны. Только бонусы расовые у нас разные да внешний вид. Вот и все.

– Бонусы? А это что?

– Ну, например, вот мы люди, у нас опыт лучше усваивается, и значит мы растем быстрее. Тролли живучие очень, они на каждую нашу единичку жизни две получают. Альвы с животными и растениями ладят. Гномам клады да жилы рудные найти – раз плюнуть. В общем – каждому свое. Но здесь ты их тоже вряд ли встретишь, тут именно человеческая местность. Однако, имей ввиду, если выглядит существо странно или даже страшно, а ник... Ну, то есть буквы у него над головой, белые, желтые или зеленые – это не чудовище и не зверь какой. С таким вполне можно и поговорить, и, может, даже договориться.

– Чудовище? – рыцарь все больше погрязал в обрушившейся на него лавине информации. – Тут водятся чудовища?

– А как же, – устало ответил Боромир. – Еще как водятся. Увидишь над головой красную надпись – оно и есть. Чудовище. Даже если выглядит оно как дитяtko нежное... Непременно либо вампиреныш, либо еще гад какой. Прости, Господи! – староста перекрестился.

– Барон, я весьма благодарен за науку, но, думаю, стоит оставить вас в одиночестве. Вам явно необходим отдых. – решил проявить учтивость рыцарь. Боромир хмыкнул и, явно бра-вируя выносливостью, подначил.

– Что, утомил я тебя учением, да? Ладно, ладно, Костя, сейчас отпущу. Осталось всего два напутствия. Нет, три. Нет, четыре... Первое. Очки распредели. Как – решать тебе. Но советовал бы отправить в Закалку два, а в прочие, кроме Силушки, по одному. Силушка у тебя и так для твоего уровня такова, что ум может и вообще не пригодиться... И не забывай регулярно, каждое утро, благословления божественные испрашивать... Епископ, правда, скоро уедет... Но да то беда не большая, местный дьяк, если постарается, не хуже сможет. Не хуже, чем на тебе сейчас, другой вопрос, что Кондратий может лучше.

– Я понял, барон. Сделаю, как вы советуете, помощи вам и Господь, и Пресвятая Дева!

– Второе. Обращай внимание на циферки над головами. Ты их знаешь, тебе проще... А то был один... Чем цифра выше – тем человек или чудик сильнее. Чудик – это чудовище, монстр, моб. Понял? Если вдруг увидишь такого, у которого эта циферка выше твоей на десять или более – беги от него, не оглядываясь. Это не трусость, считай отступлением в целях перегруппировки. Подрастешь, подкачаешься и порвешь ту нечисть с Божьей помощью, аки тузик грелку... Грелка – это тряпка такая, не важно. А вот, что важно – это Тьма. Берегись ее, как только увидишь первые признаки, и тело начнет все щекотать – срочно в церковь! Как правило, времени хватает, если не мешкать. Тьма всегда только в селениях бывает, в лесу да в поле не найти тебя Разложению... Да, ноги мои как раз тьме достались, но ничего, жив, слава Богу, были бы кости, а мясо нарастёт.

– А у меня не было щекотки, – Полбу сморщился, припоминая ощущения. – Меня будто иглами ледяными легонько покалывали.

– Ну, стало быть, у тебя так проявляется... – староста уже еле языком ворочал. – Разло-жень – он такой... Он хитрый. Прячется... Путаает. Тьму насылает... И еще... всяких.

– Пойду я, – Константин встал с деревянного пола церкви. – Отдыхайте, барон. После договорим, когда поправитесь.

– Стой... Еще одно... Квесты, ты должен знать... Знать... Задания, то бишь. Задания ты можешь принимать... А можешь и нет. Ну, это ты уже умеешь... Помнишь две кнопки?

– Подушечки?

– Подушечки, да... Поброди по округе, поговори с местными... Принимай... Все при-нимай... И выполняй, что сможешь... Вот тебе мое... мое задание... Помочь всем на погосте, кто попросит о помощи... Но не менее чем трем. О плохом не попросят, тут люд смиренный... Иди уж. Герой. А я посплю... Прости, Господи, что в храме твоём...

Боромир как-то сразу обмяк и захрапел. Константин, наученный опытом, ткнул взглядом в первую подушечку, кивнул спящему и вышел.

11. Блымс. Блымс...

Когда рыцарь вышел из церквушки, день уже клонился к вечеру. Неподалеку, на бревнышке сидел грустный молодой дьячок, которого прогнал из собственной церкви покалеченный староста. Да еще и Филькой обозвал, будто бобика. «Зеленые буковки», – отметил для себя Константин.

– Преставился? – с надеждой спросил дьяк.

– Хм... Может, с него начать, – пробормотал в бороду Полбу. С другой стороны, еретический... Хм... Православный священник. Зачем ему поросята?

– Отец... Ты не знаешь, кому тут нужно смирных поросят, но чтоб не плохому?

– Каких поросят? – опешил дьяк.

– Да вот, барон ваш, Боромир, дал наказ – помочь с поросятами... Хотя, может, я чего не так понял, он заговариваться начал в конце.

– Помер-таки? – дьяк аж подпрыгнул.

– Нет, просто заснул.

– Заснул? В церкви??? Вот вернется батюшка Ставросий, все ему расскажу!

– А ты что – не батюшка? Не святой отец?

– Дьяк я. Филимон Остафьевич. Посольского приказу.

– Посольского... – как ни крути, не был русский, а тем более новгородский, родным языком Константина. Потому и с поросятами, и с посолом трудности возникали. Полбу покатав во рту слово. – Посольского, посольского... Солю торгуешь что ль? Али капустой?

– Да ничем я не торгую. За порядком следить поставлен. Послан, значит, потому и посольского. И куда нужно, кому нужно, когда нужно докладывать...

– А, иудино отродье! Шпион! Донщик! Ну держись! – Константину давно требовалась разрядка, очень уж много всего навалилось сразу. А соглядатаев он, как истинно благородный человек, терпеть не мог. Так что кандидатура подошла идеально. Да и больно черный этот радуется беде, приключившейся со старостой. «Хорошие люди так себя не ведут», – решил барон.

И рыцарь, сжав кулаки, двинулся на отпрянувшего дьячка.

– Эй, ты чего, чего??? Ты того... Ты этого... Я тут власть, государственная, высша... уух...псц...

«Уух» дьяк сказал, потому что стальной кулак барона угодил в мягкое дьяковское пузико. А «псц» – когда ему, согнувшемуся пополам, прилетел другой кулак. Прямо по лбу.

Этим ударом субтильного, но пузатенького дьячка оторвало от земли, пару раз перевернуло и вынесло за невысокую церковную ограду.

«Полегчало», – отметил про себя барон. Нужно бороться с наущничеством и предательством, что есть долг любого несущего крест рыцаря. От осознания свершившегося факта святого возмездия на губах барона заиграла улыбка.

Произожди подобное в родном мире Константина, и находишься он в своем родном, закаленном годами боев теле, несчастного дьяка уже можно было бы отпевать. Но Полбу был всего второго уровня, а дьяк – девятого. Хотя рыцарь на подобные условности внимания не обращал, конечно. Из-за оградки послышались жалостные стоны и всхлипы. Константин перегнулся через нее... В дорожной пыли валялся успевший запачкаться дьяк, скулил, хныкал и держался за лоб. Даже так было понятно, на лбу его растет замечательная шишка. Королева шишек. Цветная, переливчатая...

– Будешь еще на людей доносить? – сурово спросил рыцарь. – Будешь предавать да наущничать?

– Нет, нет... Не надо, не бейте... Все сделаю, то есть... то есть ничего не сделаю... Никому ничего не скажу, только не нужно... Снова по лбу... Ну почему...

– А ну, клянись! Читай «Отче Наш» и клянись жить, как Спаситель велел!

– Отче наш, иже еси...

Полбу, не моргнув глазом, выслушал православную молитву, потребовал трижды перекреститься и удовлетворился результатом. За процессом из-за плетней с интересом наблюдали десятка два местных жителей. «День прожит не зря, наставлен человек на путь истинный», – подумал крестоносец. «Хоть и еретический путь... – он снова поправил себя, – православный, а не еретический... Но тем не менее. В этом и заключается служение Господу верного воина Его. Нести слово Господне, аргументируя по мере сил своих. А там, где бессильны слова, исправлять и направлять неразумных детей Его дланью. А если в длани еще и меч – аргументы будут убедительней».

Кстати, меч!

Срочно необходимо найти оружие. Хм, а если у старосты взять, из короба, он обидится? Не красть, конечно. Красть – грешно. Грабить можно. А вот красть – ни-ни. Да и грабить только тех, на кого святые отцы указали, ну или просто козлов... А взять, так, на время... До завтра. Мало ли, о чем его местные попросят... О! Точно! Попросят! А не поросят. Слава Богу, разобрался, видно не расслышал, староста под конец совсем тихо говорил...

Он помог коленопреклоненному дьячку подняться и даже слегка отряхнул от пыли. Хотел было дать воспитательный щелбан, но, увидев огромную гулю, пожалел. И ограничился пендалем. Дьячок, всхлипывая и озираясь, убежал, а из-за заборов стали выходить селяне, кланяясь и сжимая в заскорузлых руках шапки.

Абсолютно у всех над головами, рядом с зелеными надписями, желтая палочка над желтой же точечкой. А у некоторых рядом, над соседней точечкой – кривая загогулина. Что бы это могло значить?

– Спасибо тебе, добрый человек! – прогудел один из местных. – Давно этого Фильку проучить стоило. Да боязно, нам-то жить тут... А ты, вон, как с ходу разобрался в нашем горюшке... Совсем достал, окаанный...

И поклонился в пояс Константину.

Разом загомонили прочие селяне, выражая коллективное мнение о паскудной сущности дьячка... Видно, всем он тут успел насолить чем-то, не зря его Полбу в этом заподозрил. Крестьяне кланялись, благодарили, над ними исчезали точки с палками, а у некоторых, у кого раньше не было, появлялись загогулины.

Перед глазами рыцаря побежали строчки, буковки, циферки, и вдруг... Фанфары!!! Туду-дуду-ду-ДУУУ! Искры, и огромная, светящаяся арабская тройка разлетается миллионом светляков! Не успела тройка исчезнуть... Ту-дуу-ду-дуу-у-ду-ДУУУУ!!! Четверка! Ту-дуду-ДУУУУУУУУУУУУ!!! Пятерка...

Константин стоял, тряс головой, стараясь избавиться от наваждения, а крестьяне все благодарили и кланялись...

Как приятно-то, Пресвятая Дева! Куда там прелюбодеяниям, прости Господи!!!

Аве Мария, что это было? Вроде знакомое что-то, нечто подобное он уже испытывал... А! Точно! Тогда, на лестнице дома старосты, когда... Но, тогда, лишь один раз... а сейчас... Ту-дуу-ду-ДУУУУУУУУУУУУ! И огромного размера цифра «6» взрывается перед глазами.

Уууух!!! Как это там... уровень поднял... Еще! И как, из-за чего? Наверное, да, задания, староста говорил о заданиях. Не зря ведь палки пропали, загогулины появились? И смотрят на него они так, с надеждой, ласково... Скорее всего, было у них у всех здание на этого Фильку, и вот, засчиталось, хотя он подушечку... кнопку эту с двумя буквами и не жал. Видно, серьезно дьячок тут всем напакостил.

– Ты, мил человек, не думай, мы не душегубы, не изверги какие, – будто подслушав его мысли зачастили местные.

– Мы ж всегдась...

– Тогось...

– Только за!

– Против!

– Ну или против...

– Все как нужно, и никак поперек!

– А Филимон этот гадостливый только и умеет, что всех ссорить да стравливать...

– Недавно дружину вызывал, шоб кузнеца нашего побили...

– А кузнец чаго? Он хороший, хороший кузнец! Ну показывал фокусы, ну гнул подковы, ну отлетела одна и дала Фильке в лоб! А нечего было впереди всех лезть и обзору мешать!

– Ага, так ему и надоть!

– А и седня ему в лоб!

– Нет, седня по лбу, а в тот раз в лоб было!

– Знать такова его планида...

– Не положена такому засранцу планида! Малый ентот... как его... во, малый метеоризм его жизнью править!

– Ага, и в базарный день, как приходить на ярмарку, и как начать все пробовать... И пробуешь, и пробуешь, все уже думают, кадаже он лопнет, а он все пробуешь... До вечера пробуешь, и хрен что купить! А потом неделю не есть – экономит, капиталист начинающий!

– И еще с год назад он корову мою подоил! Молоком, сказал, подать возьму в казну, а все сам выпил, ирод! Квитанцию не выдал! Сказал – бланку у него нетуть... Хотя бересты кругом – завалися!

– А моего козла в мытню свел, сказал налог! А какой мой козел налог, когда он козел? И на что налог? На коз? Козы таперича грустные, без козла-то!

– А када Стенька с Разинькой клад древний нашли, помните шо было, помните? Отобрал три четверти и еще говорит так издевательски, енто, мол, ваша премия! А какая это премия, када отбирают? Премия – это када, напротив – дают!

– И на старосту постоянно доносы пишет!

– Да на всех пишет, скоро в округе все березы голыми стоять будут...

– И церковные свечи в избе у себя палит!

– А вот на позапрошлом месяце...

– А когда лишь приехал...

В общем, действительно, у каждого к дьяку были претензии.

Пока народ вспоминал былые обиды и придумывал новые, подтянулись припозднившиеся селяне, спрашивали, что случилось и получали красочные ответы с массой положительных эмоций. А скромно стоящий рядышком Константин получал опыт за кучу выполненных заданий. Пусть и однотипных, зато рассчитанных на десятый левл.

Короче, натудудукало ему до девятого уровня. И совсем чуточку до десятого не хватило. Но он то этого не знал, ибо про полоску прогресса староста объяснить не успел.

«Как быть?» – думал в это время Полбу, жуя губу.

Неразрешимая задача... Видно, я снова все испортил. Боромир велел раскидать пять очков, и даже сказал, как. А теперь, пяти очков нету. Почему-то четыре всего осталось. Ну и еще рядом кругляшек, а кругляшек – это нуль, рыцарь уже знал, что такое нуль. Шиш это. Вот когда один палец – это один, когда два пальца – два. А когда нет пальцев – это нуль пальцев. Шиш пальцев. И где взять недостающее очко? И чем пожертвовать, какой характеристикой?

Провел рукой по стоящим дыбом волосам, по пушистой бороде, делающей его похожим на помесь хорошо вымытого Бармалея с придурковатым Дядюшкой Ау... И решил.

«Не буду брать Успешность, – решил он. – как-то все с этой Успешностью непонятно». Вот, первые три характеристики – там все ясно. Духовность рыцарю тоже необходима, как же без молитвы? А Успешность? Личным трудом, терпением и волей, с Божьей помощью – все сладится. А что не сладится, то, стало быть, Господу не угодно, и никакими очками этого не исправить. Что бы там не наговорил староста. Может он вообще шутил. Или запутался. Или бредил.

И барон нажал на Стойкость. Блымс. И еще раз. Блымс. Хм... Рядом с тройкой появилась восьмерка. Чтобы это значило? По идее, должна двойка остаться, он почти полностью был в этом уверен. Пересчитал на пальцах и стал уверен полностью. Откуда тройка? И еще восьмерка?

Нажал снова. Блымс. Три и семь. Блымс. Блымс. Вот, тройка и снова нуль – ничего, значит. Ну, еще раз. Блымс. Два и девять. Вот как так? Сначала мало – три или четыре, потом много – девять и восемь, потом снова... Пресвятая Дева, помоги! Блымс. Блымс. Блымс...

Вот, теперь порядок.

Пятерка, как и было изначально. Слава тебе, Господи... Ну что же, послушаемся совета, умудренного годами старосты... Два очка – в Стойкость. Одно – в Ловкачество. Одно – в Духовность. Ну, и одно – в Успешность, так уж и быть.

12. И тишина...

Крестьяне уже наговорились и начали расходиться, когда рыцарь вспомнил о просьбе местного барона. Помочь всем, кто попросит. Не бегать же потом по всему селению вылавливая нуждающихся? Вон, их тут сколько, может кому что и нужно.

– Добрые пейзажи! Мое славное имя – сэра Константин, по прозвищу Полбу, рыцарь Сере... кхм... Рыцарь. Барон Шардо и Бельд. Ваш заботливый барон, помоги ему Господи, попросил оказать вам помощь, если у кого какая беда есть. Подходите, не стесняйтесь! Долг рыцаря – помогать сирым да убогим, особенно, если его о том друг просит. А барон ваш – настоящий рыцарь и герой! Такого честь считать другом! Гордитесь им, слушайтесь и чтите.

– Во завернул то, а... А о ком это он?

– О бароне...

– Каком бароне?

– А лесной его знает, наверное, где-то завелся.

– А зачем барана чтить и слушаться? Что он умного скажет, он же баран...

– Да не баран – Барон.

– А что такое – барон?

– Друг его, он же сказал. Имя такое. Славное.

– Так он сам Барон? Али нет? Али еще какой Барон?

– Так что? Два у нас Барона?

– А почему он тогда наш, раз он его друг?

– Вот те на, то ни одного, то сразу два. А зачем нам Бароны? Они как печники али плотники может? Что делать-то умеют?

– Да заговаривается он чутка, видишь ведь, взъерошенный весь, пришибленный...

– Сэр – это, наверное, имя, а Константин – хвамилия.

– А барон, стало быть, прохвессия?

– Сэр, а Сэр... А чего бароны-то делают, а?

Константина этот вопрос озадачил. Нет, он-то знал. Но вот так, с ходу, ответить на прямо поставленный вопрос, систематизировать... Сложно.

– Что делают бароны... Хм... Охотятся. Воюют. В походы ходят. Во! Веру чтут, Господа, Пресвятую Деву и сюзерена! Блюдут порядок, наказывают лихих людей, колдунов да ведьм... «Юс прайм ноктис» исполняет барон для своих пейзажей, сил не жалея. Кстати, никому не надо? Пока ваш барон хворает – я за него.

Крестьяне, ошарашенные таким непомерным объемом обязанностей барона, восхищенно моргали и перешептывались.

– А мне нужно дров наколоть, таперича и просить как-то боязно...

– А у меня коза потерялась... Да ладно, сам найду...

– Огород вскопать... Не... то не баронская спфелизация...

– Ой, да что же это делаеца-а-а-а! – внезапно заголосила какая-то пожилая пухленькая бабенка. – Ой, мамочки-и-и-и!!! Да не успел у нас собсний барон появиться, так сразу и захвора-а-ал!

– Во-во! – пробасил огромный, заросший по брови рыжей бородой, пузатый мужик. – А ежели я этот... «Юс прайм ноктис» захочу срочно? Кстати, шо это?

– А я знаю, одну ведьму знаю! – выскочил вперед мелкий мужичонка. Тот самый, который Константину общинные штаны отдавать не хотел.

– А чем захворал-то барон? И вообще, кто он?

Но Константин уже вычленил в общем гомоне ключевое слово, которое действует на большинство правильных рыцарей, как красная тряпка на быка.

– Ведьма? Где? Кто?

– Ведьма, вот те крест, истинная ведьма! – Мужичок мелко закрестился. – Теща моя!

– Да тыфу на тя, Нафаня! – Внезапно перестала голосить толстая бабенка. – Какая ж она ведьма? Бабка она повивальная, ну и коз лечит, коров... Кости может вправить. Сам ведь постоянно у ней зубы свои гнилые дергаешь!

– Лекарка? – догадался Полбу. Такое, и правда, бывало частенько. Найдут крестьяне какую бабку, которую не жалко, и начинают в ведовстве обвинять. Ведь за выявление ведьмы награда полагается. А лекарки, они как раз в группе риска. Все о них знают, все услугами пользуются. А вот что не так – сразу ведьма. И на костер. Ведь имущества лекарки за свои услуги много нажить успевают... И те рыцари, что пожаднее или поглупее, давно уже всех лекарок перевели на своих землях. А вот Полбу – не такой. Он всегда тщательно разбирался, и в голословные обвинения не верил. До зарождения института инквизиции оставалось еще лет пятнадцать, но, с благословления кардинала, на землях Шардо и Бельд был устроен революционный социальный эксперимент.

Инквизиция в одном отдельно взятом баронстве. Занимались этим делом, само собой, святые отцы. Полбу же, как владетельный барон, лишь утверждал приговоры, или отправлял на следствие. И, нужно признать, отправлял гораздо чаще, нежели утверждал сразу. И в половине этих случаев выяснялось-таки, что зазря в ведовстве человека обвинили. И его, счастливого, хоть и побитого, отпускали.

– Ага, а почему у нее черный кот живет? А почему молоко киснет, кода она в гости приходит? А почему...

– Нет, нет! Не о том мы! Нужно о Лихомане ему сказать... Ой... – молодая девушка, окруженная односельчанами, зажала ротик руками. Все без исключения крестьяне уставились на нее и немного попятись. – Да... Простите... Забыла... Нельзя...

– Эх, Любимка! Коса долга, да ум короток!

– Даже и не думай о том, чтоб об этом думать!

– Может пронесет? Не расслышит?

– Ага, Лихо... ой, прости Господи, Ли... Лишай ему на лысину, он да не услышит?

– Вот, откель она взялася, а? Кто девку сюды пустил?

– Куды – сюды? На улицу?

– А старосты-то и нету до сих пор...

– Вот, Боромир Фродович, куда ж ты делси...

– Вот зачем она это сказала, а?

– Теперь, все... Призвала. Придет беда – отворяй ворота...

– Стойте, стойте! У нас же барон есть! А пусть, и правда, нас защитит, а? Ведь ента нечисть раньше полуночи точно не вылезет... Может успеет?

– Да что он сможет-то один? Дружина вон приходила, и что? Все седыми ушли, да половина заики таперича. А вторая половина до сих пор в портки прудит!

– Просто нельзя поминать ее, на погосте-то! Все ведь знают!

– Да еще и на ночь глядя...

– Ну, сделанного не воротишь...

– Таперича точно придет. Ну, Любимка, выдрать бы тебя... Че? Хворостиной, я имею ввиду!

– Сэр, а Сэр... Тут такое дело...

Но умный рыцарь снова все понял заранее. Какая-то нечисть, селянам жить мешает. Ранее, в своем мире, он нечисти помимо еретиков, колдунов да ведьм не встречал. Но точно знал – есть она. Все время о ней святые отцы рассказывали да предостерегали... И вот, сподобил Господь! Одолеет он нечисть поганую, и пейзамам поможет, и во славу Господа подвиг

свершит, и наказ Боромира выполнит... И, может, одарит его Дева Мария за усердие очередным ту-ду-ду. Очень уж барону понравилось чувство, которое в комплекте с ту-ду-ду идет.

– Рассказывайте! – потребовал, гордо подбоченившись, барон. – Борьба с нечистью – наипервейший долг крестонесущего рыцаря!

Селяне же, как-то с сомнением посмотрели на босого пушистого человека. Одно дело – дьяку в морду дать, а другое... «А хотя, чего мы теряем», – подумали они хором. Как это можно – подумать хором, объяснить сложно, но у местных получилось.

– Так вот, тут такое дело... – вперед снова вышел толстяк, которому «юс прайм ноктис» был интересен. – Староста наш запропастился куда-то. С обедни не видать, а то б мы к нему сразу, первым делом, ага... Общинные дела – энтонь он решает, но кады не может – я за него. Митрофан Силович я, значит. И вот, хочу тебя попросить, Сэр, раз уж ты бароном работаешь... Селенье наше защити, а? А уж мы не поскупимся, энтонь... отблагодарим... за энтонь... значица...

Селяне закивали, соглашаясь. Над головами, даже у тех, у кого ранее не было, появились желтые загогулины с точками.

Константин хмыкнул и уже привычно нажал подушечку с двумя буковками. Кнопку «да», поправил он себя.

Загогулины резко сменили цвет, из желтых став бледно синими. А перед глазами рыцаря побежали строчки, но он, не обращая на них внимания, обратился к заместителю старосты.

– Что за нечисть-то? Искать где? Вообще, расскажи все о ней.

– О нем... Но, энтонь, имя я его говорить не буду... Здеся... Вон, вякнула одна, и то боимся теперь... У прошлый раз, такое было, такое... Вот выйдем за погост – там и скажу. А вы, други, расходитесь... Да хорошенько помолитесь за упок... Хмм... во здравие смелого Сэра. Ему сегодня любая подмога сгодится, даже малая... Вы энтонь и сами знаете...

И повел мало что понявшего Константина прочь из селенья. Крестьяне тоже, кто поодиночке, кто малыми группами, стали расходиться. Причем, как-то грустно, будто извиняясь, поглядывали на барона. Видно было: жалеют уже, что невинного человека на такое опасное дело подрядили.

– Лихоман, тьфу на него, энтонь чудищ такой... – стал объяснять Митрофан Силович, когда от ближайшей избы уже шагов пятьдесят было. – Живет на старом кладбище, еще прапрадедами нашими заброшенном... И проклятом. Потому заброшенном, что никто не помнит ужо, кто именно там похоронен. Но померли они давно, а значитца, не по-христиански погребены. Ни одного креста на том кладбище нету, лишь плиты каменные да булыганы с закарюками странными-позабытыми. И плиты эти каменные, будто домики установлены, а внутри – покойники... С косами. Иногда, ночами безлунными, когда не спится им, выползают они оттуда и стоят вдоль дороги... Многие их видели, тут главное не подходить и не заговаривать... А то с собой утащут. Вручат косу... И будешь тоже... с ними... стоять... В тишине. Тоске. И энтонь... маниакальной депрессии, вот.

– Так у вас не одно тут чудище? Еще и умертвия водятся? А куда же церковь смотрит? А барон ваш? – Константин прямо в ярость пришел. Да как они допустили! Нет, ну вот тебе и православные! На его землях никогда такого безобразия не было, чтоб мертвые, да с косами, да еще и в депрессии, прости Господи... что это значит-то? Наверное, саван такой. – Нужно священника, срочно! Пусть упокоит усопших!

– Да усопшие энтонь что... Ну стоят себе молча, грустят в тишине... Если их не трогать, то и не мешают вовсе. А вот Лихоман – другое дело. Обычно его староста умирят, когда он особо буйствует. Есть у старосты нашего секрет какой-то. Но тот отдохнет месячишко и снова за старое. А вот, кады старосты нету – по делам уедет, али в запой... кхм... Или отдыхает, в общем... вот тогда беда-а. Стоит имя чудищное назвать – обязательно придет ночью. Туда, где его помянули. Или к тому. Одного нашего Боромира Фродовича и опасается. Ну, еще и

батюшка наш, отец Ставросий, ему разок кадилом промеж глаз заехал, так Лихоман с тех пор косить начал. И от церкви подальше держаться. А в других местах спасу от него нету. Всю округу затиранил. Ужо и дружину вызывали, дабы на совсем его прибить, али прогнать туда, откель явился... Но не судьба, видно. Перепугал он дружину и еще злее стал.

– А чего он делает-то Лихоман ваш?

– Пугает. Очень страшно пугает и тем страхом питается. А когда не боятся его, так и по-настоящему сожрать может. Вот потому, значит, мы его бояться предпочитаем. Побояться полночи лучше, чем навсегда съеденным быть.

– Вы же тем самым силы темной твари отдаете! Как можно! Нужно с молитвой святой, да мечом его, да на ломтики!

– Не воины мы, – вздохнул бородач. – Да и были бы воины... А дети? А бабы? Да и дружина, вон... Там такие молодцы... были. А теперь? Развалины трясущиеся... И ссушиеся...

– Все, я все понял! – глаза рыцаря отважно сверкнули, он выпрямился. – В какой стороне кладбище? Ясно. А далеко? А пятнадцать минут – это сколько в милях? Ага... Где взять меч, я знаю, дело это святое, богоугодное, не станет возражать староста! Можете не бояться, никто к вам ночью не придет! Дес Вальт!

13. Ну, 13-я... Несчастливая глава

А потому ну ее на хрен.

Не будет ее. Перейдем сразу к 14-й.

А то отхватит в ней Полбу еще от Лихомана.

14. Меч и щит

В доме старосты все так же – застывшие граф и епископ не сдвинулись ни капельки. А вот еды на столе явно уменьшилось, видно, постарался кто-то. Константин вздохнул, сгуга на отсутствие мяса, цапнул один из последних пряников и вышел в сени.

Короб, все так же открыт, все вещи на месте.

Рыцарь достал меч, на полфута вынул его из ножен. И обомлел. Меч очень легкий, хогь и чуть длиннее стандартного пехотного, но короче и уже бастарда, чернильно-черного цвета, по всей длине клинка покрыт узорами. И по долу, и на гранях... Присмотрелся к кромке. На вид острая. Рукоять – в полтора обхвата. Гарда – простая, крестом. Яблоко – будто из черного хрустала... То, что нужно. Встал, обнажил меч целиком, примерил по руке, сделал пару взмахов... Удобно! Будто для него кован!

– Господи Иисусе!

По руке побежали бело-голубые искорки и заиграли на клинке мелкими суегающимися молниями. От неожиданности Полбу разжал пальцы, и меч... не упал! Держался на ладони, будто приклеенный.

Барон затряс рукой, меч заходил ходуном, и чуть было не угодил Полбу по лбу. Но рефлексy сработали, и обошлось.

– Пресвятая Дева, колдовской меч, что ли? – спросил он у потолка. Потолок не ответил.

Константин перехватил меч левой рукой. Тот без труда отлип от десницы и прилип к шуйце. Очень странно.

«Надо хогь ножны одеть, – подумал рыцарь. – А то порежусь. Вон, и не заметил, как висящую тканевую занавеску рассек. Очень острый клинок, не каждый дамасский на такое способен».

Как только лезвие коснулось ножен, непонятная сила, удерживающая меч, исчезла. Полбу подумал минутку, взвешивая варианты... Колдовской, значит и в руки брать нельзя, проклятье обеспечено... А если вот так попробовать...

– Славься Господь! – чувственно сказал рыцарь. – Ты вручаешь в руки верного воина своего меч достойный короля Артура! Сим клинком повержено будет зло! Дес Вальт!

Прислушался. Возражений со стороны Господа не последовало, и Константин, довольно улыбнувшись, стал на колено, поставил меч вертикально, эфесом вверх, и трижды прочел «Отче Наш». Все, теперь меч считается крестом. Без креста крестоносцу как-то не по себе все это время было.

Топоры... Нет, топоры не черные, вполне обычные, стальные. Правда, сталь хорошая, с первого взгляда видно. Ох, какие тяжелые... Полминуты подержал – уже устал. Нет, не берем топоры. В сторону.

Кольца, браслеты, цепочки... Пусть лежат, негоже воину Господню женскими цацками украшаться. Как они вообще сюда, к оружию-то, попали?

Так, теперь доспехи... Нужно все вытащить, разложить, проверить... А времени-то и нет. Но без доспеха рыцарь – половина рыцаря. Зачастую – буквально.

Панцирь. Хороший такой, прочный... Но не его комплекции, сразу видно. Чтобы одеть – сперва кузнецу снести нужно. Панцирь оставим.

Наручи, поножи, щитки, перчатки латные... Все, видно, с броней в комплекте делалось – однотипное, красивое, качественное.

Шлем, непривычной формы. Без забрала, но щеки и переносицу закрывает... Подшлемник мягкий, войлочный. Пояс. Плащ. О, сапоги!!! Со шпорами!!! И по виду... Серебряными! Не может быть! Боромир – рыцарь Серебряной Шпоры? Да нет, бред... А что в сапогах? Тьфу! Портянки нестиранные. Вот ведь... и зачем достал? Аж на слезу прошибло!

Кольчуга. Подкольчужник кожаный, сам по себе почти броня. Кожаные бриджи, чтобы стальные поножи голое тело не царапали. Ремешки запасные, чтобы, где что подтянуть, где что подвязать, дабы не брякало и не натирало.

В общем – полный комплект. А в самом низу – неожиданный подарок судьбы: большой каплевидный щит. Правда, не крест на нем святой, и даже не герб... Кольцо с буквами намянуто. И что бы это значило?

Рыцарь стал облачаться. Без оруженосца – совсем плохо, подумал Полбу. Нужно срочно найти, хотя бы одного. А лучше двух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.